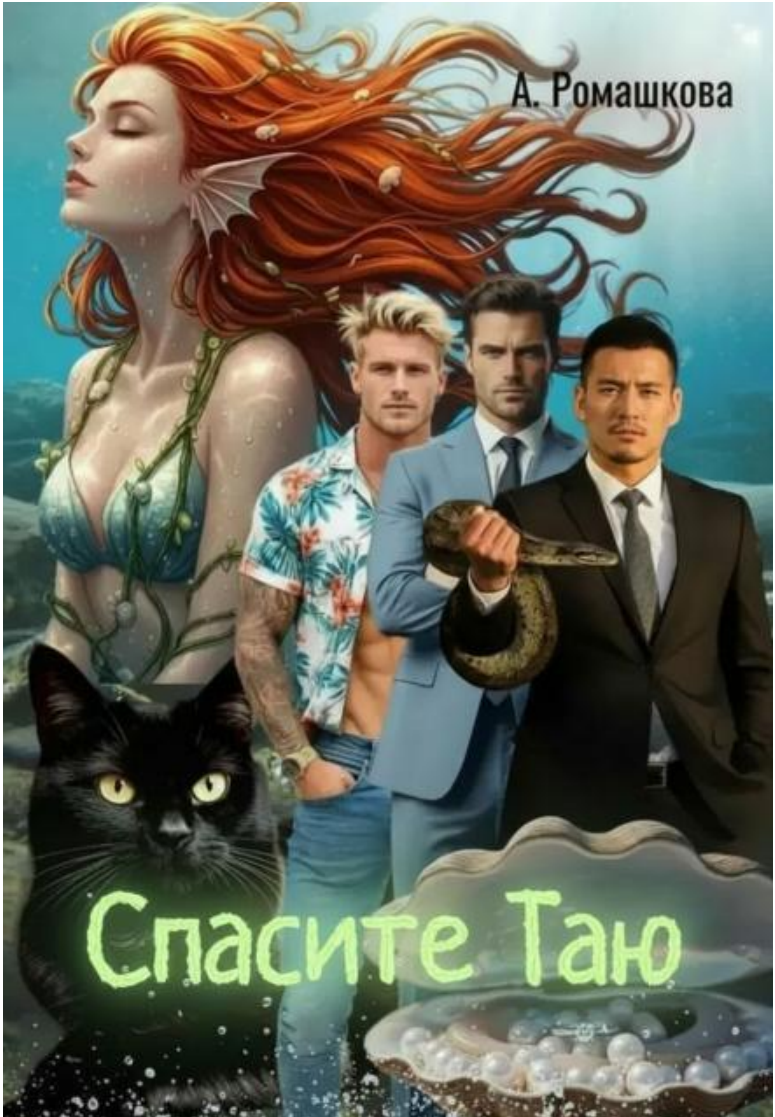

А. Ромашкова
Спасите Таю

Алёна Ромашкова
Спасите Таю

https://litres.ru/74810129

Аннотация

Минуты неслись, а я умирала. Как же так? Не хочу! И что самое обидное: когда меня найдут, никто даже не поймет, что случилось. Задохнулась на дубе. Это что вообще за тупая и нелепая смерть? Интересно, меня застанут в человеческой или русалочьей форме? Асфиксия в лесу или страшный мутант — что будет волновать умы тех, кто меня обнаружит? В первом случае это будет медицинская загадка, а во втором — открытие века. Ну или иллюстрация к "У Лукоморья дуб зеленый..."

— Твою ж ты! Ты что творишь? — услышала я мужской голос с ярко выраженным акцентом. — Я не позволю тебе меня покинуть. Держись, душа моя! Сейчас я отправлю тебя к рыбам!

— Эй, только не на корм! Быстрее, змей! — послышался истеричный вопль Проныры, после чего меня дернули, я почувствовала полет, а ещё через несколько секунд с размаха влетела в воду.

В тексте есть: русалка, приключения, забавные ситуации, немного драмы, харизматичные мужчины и... еще более харизматичные мужчины.

Визуалы в блоге

Содержание

Глава 1. О трудоголизме и его последствиях 4
Глава 2. О вреде общения с духами 13
Глава 3. О рыцарях, армии и улыбках 24
Глава 4. О том, что сказку можно найти везде, и не всегда в сказке 36
Глава 5. О встрече кота и русалки возле дуба 46
Глава 6. О странностях и мужчинах, которых становится все больше 57
Глава 7. О споре, в котором истина так и не родилась 68
Глава 8. О холоде, жаре и экологии 78
Глава 9. О чувствах богов и коварстве лесных духов 89
Глава 10. О явлениях — странных и природных 101
Глава 11. О страхах лесных духов и обаянии китайских мужчин 114
Глава 12. О яхтах, случайностях и коварстве шампанского 127
Глава 13. О семейных тайнах и скрытых 139
Конец ознакомительного фрагмента. 140

Глава 1. О трудоголизме и его последствиях

Когда путин одинаковы, несоставляют вместе планов
Конфуций

— Павел Геннадиевич! Ну я прошу вас, вы же мне еще год назад подписали отпуск, ну как так-то? — я бежала по коридору, еле поспевая за шефом. При этом не смотрела ни на мужчину, ни по сторонам, так как очень внимательно следила за своими ногами, боясь упасть. Каблуки были очень высокими — я носила такие на работе, чтобы стать хоть чуть заметнее. С моим ростом было сложно выглядеть значительной, а очень хотелось.

Бедные мои ноги — у меня с ними проблема с детства. Я пошла позже всех моих погодок во дворе, да и после этого передвигала конечностями не так, чтобы очень бодро. На физкультуре бегала медленнее остальных и ненавидела долгие пешие походы по пересеченной местности.

Бабушка говорила, что я рождена, чтобы меня носили на руках, я же считала, что рождённый плавать ходить не должен. Да, плавала я, будь здоров: и в школе, и в университете всегда состояла в сборной, стабильно выигрывая золото. Правда, с определенного момента моя карьера пловчихи все

же накрылась медным тазом.

А вот теперь пришлось нестись за шефом, ломая ноги, в то время как он спешил в переговорную, отмахиваясь от меня со словами:

— Таечка! Прекратите! Какая разница: июнь, июль или август. Приехала целая делегация из Китая. Я не могу вас отпустить. Вы же знаете, что Людочка в декретном — мы не справимся без переводчика!

— А вот Людочку вы в отпуск отпустили, Павел Геннадиевич!

— Побойся бога, она же — в декретный! Это по закону!

— Я тоже… — на этих словах шеф затормозил и с подозрением уставился на меня, прищурив глаза. Сканер его зрачков пробежался по моей фигуре. Не увидев ничего провокационного, директор выдохнул с облегчением.

— Срок же ранний? Отлично! Иди работай!

— Не беременная я! Говорю, по закону мне отпуск тоже положен! — я даже топнула ногой для убедительности, тут же почувствовав острую боль в ступне. Сморщилась, ойкнув, на что шеф удовлетворенно покачал головой.

— Вот! Даже организм тебе указывает на то, что с начальником спорить бесполезно. Пойдем! Китайцы ждут. Вот как все формальности уладим, сразу отпущу, — бодро начал Павел Геннадиевич, после чего вдруг перешел на умоляющий тон. — Потерпи пару недель, а!

Шеф у меня был в целом нормальный мужик, но только

уж очень не любил личные обстоятельства. Работа для этого трудоголика была на первом месте, именно поэтому наша строительная компания выигрывала тендеры и была среди крепких середнячков в своем сегменте: мы даже построили торговый центр, а теперь вот получили возможность возводить большой отель на побережье Чёрного моря.

Китайцы были инвесторами, а потому вот уже второй год мы с Людой обеспечивали коммуникацию между нашим "Мегастроем" и их компанией. Обе так устали, что искали любую возможность отдохнуть, сбежав с работы. Людочка, вот, наотдыхалась и неделю назад, с фразой: "Ну, давайте! Бамболео!" послала всем воздушный поцелуй и умчала вить гнездо в двухэтажном элитном доме своего мужа, ожидая появления отпрыска.

Я была более системным человеком, не любила сюрпризы. Заявление на отпуск как всегда написала сразу, как вернулась с предыдущего отдыха. Билеты купила за полгода, а чемодан собрала позавчера. Это позволяло надеяться, что все идет по плану. Условием для моего отдыха всегда являлась определенная дата: в первый день седьмого лунного месяца я должна была быть дома у бабушки в своем родном Мурманске. В этом году этот месяц начинался двадцать пятого июня, а потому именно в это время я и собиралась покинуть столицу.

Если кто-то узнавал, куда я езжу каждое лето, непременно вертел пальцем у виска: выбрать для отдыха Баренцево

море? Серьезно? Вот именно поэтому я стараюсь особенно не распространяться на тему своих поездок — устала объяснять, что еду к бабушке, что для меня это очень важно, и врать, что я совсем не хочу на южный курорт или заграницу.

Шеф распахнул дверь переговорной, а я чуть не упала, зацепившись каблуком за порог. Внутри помещения было довольно шумно, так как наши возлюбленные китайцы активно общались между собой. Все пятнадцать азиатов сидели за овальным столом, употребляя кофе, соки и воду, которую им принесла Леночка — секретарь Павла Геннадиевича. К слову, называть коллег в ласкательно-уменьшительном варианте была не моя блажь — так всех величала первый заместитель нашего гендира — Наталья Николаевна Коростылева, ну а мы по итогу привыкли.

Наталья Николаевна тоже уже присутствовала в помещении, вызывая бурю эмоций у китайских бизнесменов — я точно знала, что не наш проект, а именно эта женщина была предметом их активного обсуждения. Мужчины комментировали ее внешность, восхищаясь ее холодной красотой. Наша примадонна всегда была в центре внимания: умопомрачительная блондинка тридцати с лишним лет, выглядевшая максимум на двадцать пять, активировала эротические фантазии у любого примата мужского пола. И дело не в ее сексуальной одежде — мне кажется, явись она в робе, реакция была бы не менее бурной, чем сейчас. При этом Наталья оставалась профессионалом — хватким и компетент-

ным. Был у нее только один недостаток, она пасла Павла Геннадиевича, ожидая его развода и ограждая мужчину от всех окружающих его представительниц женского пола с энтузиазмом сторожевой собаки. Только вместо того, чтобы лаять, замдир искажала имена, тем самым предупреждая, что мы под наблюдением. По имени и отчеству Наталья Николаевна называла только главбуха: дородную женщину, давно выбывшую с рынка невест.

Терпеть не могу, когда меня называют "Таечка". Я — Таисия, могу быть Таей, Тасей, но уж точно не этой вот "-чкой". Однако, к сожалению, по мнению нашего зама, я опасна — молода, фертильна и не урод, а потому носить мне эту часть имени до тех пор, пока я, как Людочка, не выйду замуж и не рожу.

А когда тут рожать? Загруз полный. Вечером придешь с работы, хочется лежать и смотреть в потолок, вместо того, чтобы жениха искать. К тому же, со мной слишком много сложностей, чтобы поиск привел к адекватному результату. Страшно представить, каков тот мужчина, что способен смириться с некоторыми моими особенностями — среди нормальных такие точно не водятся…

Шеф с ходу обратился к гостям, а я включилась в работу, чередуя русский, китайский и английский языки.

В этой конторе я была не только переводчиком. Изначально это вообще не входило в круг моих обязанностей. Три года назад я устроилась в "Мегастрой" на должность эйчар-ме-

неджера, а после появления инвесторов за нехваткой переводчиков незаметно для себя переключилась на коммуникацию и ведение документооборота с китайской стороной, что и стало моей основной задачей. Так как брать на работу и адаптировать пока нашей компании никого не требовалось, я забыла о своих прямых обязанностях и львиную долю времени продолжала тратить на перевод, копаясь в иностранных документах. И только иногда шеф вспоминал о моем официальном функционале и просил проводить оценку эффективности работы персонала.

В переговорной Павел Геннадьевич устроился во главе стола, по правую руку от него как обычно расположилась его заместитель, а я заняла стул слева, и, открыв блокнот, приготовилась к работе. Все мое внимание было полностью сосредоточено на том, о чем говорят сидящие за столом, а потому я не сразу заметила, что в помещении еще один гость.

— Господа, я бы не хотел задерживаться! У меня еще масса дел, — раздался из динамиков мужской голос, и я, вздрогнув, подняла глаза. Оказывается, у нас была настроена видеоконференцсвязь, поэтому на большом экране на стене отображался кабинет с большим офисным столом, за которым восседал мужчина. Я не сразу поняла, что и его слова нужно переводить, проигнорировав направленные на меня лица ожидающих китайцев.

С полминуты я, не моргая, смотрела на незнакомца, автоматически отмечая детали. Вальяжно развалившись в крес-

ле, прямо передо мной в масштабе 2:1 сидел мужчина лет тридцати. Размер экрана делал незнакомца огромным и несколько довлеющим. Это был темный шатен в деловом костюме графитового цвета и светло-серой рубашке, с аккуратно повязанным галстуком винного цвета и запонками на манжетах рукавов. Этот аксессуар почему-то сразу бросился мне в глаза, так как я обратила внимание на его руки: хоть и огромные, но холеные, с аккуратным маникюром, в правой — золотой паркер, который мужчина очень ловко крутил пальцами. Двухдневная щетина, ровный загар, белые зубы, серые глаза — этот образчик мужской сексуальности знал, что хорош, а потому позволял себе некоторую небрежность: пиджак был расстегнут, демонстрируя угадывающийся под дорогой рубашкой мускулистый торс.

Скосив глаза, я увидела, что Наталья Николаевна нашего гостя не пропустила, а потому вооружилась своей сексуальностью. Она сидела немного полубоком, нога на ногу, показывая край чулок и призывно покачивая правой ступней в изящной туфельке малинового цвета.

— Меня слышно? Так мы начнем? У вас будет переводчик? Где он? Почему на вас работают настолько необязательные люди? — раздраженно произнес мужчина с экрана. Павел Геннадиевич толкнул меня локтем, и я отмерла, тут же переведя на китайский, что пора начинать. Азиаты закивали, все сосредоточились, а я поймала на себе внимательный взгляд с экрана. Захотелось поежиться, а еще покачать нож-

кой — так же, как наша заместитель. Что я и сделала, причем обеими ногами, но вовсе не потому, что хотела соблазнить мужчину, а для того, чтобы стряхнуть туфли. Под столом не было видно моих манипуляций, а вот мне стало очень хорошо. Я даже выдохнула от облегчения, в тот же момент поймав усмешку брюнета. Хотя, скорее всего, мне показалось.

— Я представляю вам Александра Михайловича Штайнера, мэра города Жемчужный. Наш отель будет строиться именно в этом населенном пункте, так что нам очень нужно скооперироваться с официальной властью города, — громко провозгласил шеф, а я немедля начала переводить. Смотрела при этом на китайцев, а кожей ощущала взгляд этого самого Штайнера. — Меня, Александр Михайлович, вы знаете, так что остается представить моего заместителя, а также наших азиатских партнеров, — продолжил гендир, называя по очереди имена каждого.

После этого последовало несколько приветственных речей от китайцев. Штайнер слушал внимательно, все также поигрывая паркером и изредка постукивая им по столу — вид у него был очень деловой и начальственный. Со стороны казалось, что мы — адепты некой религии, где он главное божество, которое в данный момент раздумывает, куда отправить убогих: в рай или ад.

Настал момент переходить к основной теме переговоров. С места встала Наталья Николаевна, которая изящным жестом откинула волосы с лица и красиво встряхнула головой.

Всех присутствующих мужчин повело вслед за ее белоснежной копной. Так эффектно наша царица готовилась показать себя, а заодно и презентацию проекта, чтобы ввести мэра и остальных в некоторые важные частности. Она почти начала свой доклад, но Штайнер зыркнул, потемнев глазами, и, не особо церемонясь, рявкнул, испугав всех присутствующих:

— А переводчика вы не представите?

Я опешила, став в очередной раз объектом пристального внимания всех присутствующих, в том числе и самого мэра, от взгляда которого по коже поползли мурашки — явно куда-то прочь, бесславно покидая поле боя. Я могла бы поклясться, что видела, как серо-голубые радужки Штайнера потеменели и стали темно-синими как море в шторм. Спас всех директор, который прокашлялся и громогласно объявил:

— Таисия Ивановна Легкая, наш эйчар-менеджер и референт-переводчик в одном лице. Будет сопровождать делегацию в ваш город и помогать Наталье Николаевне с администрированием проекта.

— Нет! — вместо того чтобы переводить, воскликнула я.

Глава 2. О вреде общения с духами

И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он — бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она — Чжуан Чжоу

Чжуан-цзы

Лидия Ивановна сейчас выглядела совсем не так, как могут и должны выглядеть цивилизованные русские женщины. Надев тканевый плащ черного цвета с длинными рукавами и декоративной вышивкой, она обвила свою талию поясом с подвесками из медвежьих когтей, на голову надела нечто, утыканное птичьими перьями, а в руках держала бубен. Женщина пришла к своему сейду — так называется священный камень у ее народа, выполняющий роль алтаря — в полночь. Зажгла костер, кинула в него правильных травок, чтобы общение с духами прошло как по маслу, а затем, поймав глазами отражение лунного росчерка в морской воде, принялась стучать в свой бубен — родовой, полученный от деда.

Духи ответили только тогда, когда в воздухе запахло рассветом. Лидия Ивановна, закрыв глаза, потребовала объяснить им волю Тшадзе-олмай — бога воды и рыболовства, который явился ей в прошлую ночь. Бог сказал что-то неврa-

зумительное, а уж показал и вовсе ужас запредельный, который она и не запомнила толком, поэтому сейчас желала конкретики. Беспокоить это сильное божество напрямую не хотелось, так что пришлось камлать и звать своих верных духов — они-то уж точно растолкуют. Однако и эти бестелесные помощники не спешили ей на выручку. В сознание женщины то и дело вторгались их скрипучие потусторонние голоса, холодящие кровь и дурманящие сознание. “Черные воды согреют кровь… Черные воды примут жертву… Судьба зовет… Смерть приглашает”.

И как бы ни пыталась шаманка добиться от них определенности, они повторяли ровно то, что сутки назад прогремел ей шумом волн и рокотом прибоя во сне сам Тшадзе-олмай — что-то о смерти, что-то о черноте. Ах, ну почему ни духи, ни боги не говорят конкретные вещи — это точно бы помогло, а вот эти все абстракции и недоговоренности выводят из себя. Словно разговариваешь по сотовому, а связь постоянно глушат, и ты слышишь лишь куски того, о чем говорит твой собеседник. За столько лет своей бытности шаманкой Лидия Ивановна так и не привыкла к этим обрывистым предсказаниям, однако всегда находила возможность их разгадать.

С первыми лучами солнца, когда остыл последний уголек костра, женщина встала, и повесив бубен за спину, тяжелой походкой направилась к припаркованному в ста метрах автомобилю. Джип российского производства был приобретен

ею лет пять назад и с тех пор ни разу не сломался. Когда люди узнавали об этом факте, то без всякого принуждения верили в то, что она настоящая ведьма или шаманка — укротительница отечественного автопрома. Такая слава играла ей только на руку. Однако в глубине души Лидия Ивановна все же считала, что залогом ее автомобильного рая было своевременное техническое обслуживание.

Сбросив с себя шаманский костюм, женщина забралась за руль и, включив печку, согревалась после утреннего прохладного бриза — она очень любила тепло, что делало ее пребывание на Кольском полуострове весьма проблематичным. Но как она могла покинуть землю предков? Здесь она родилась, здесь и умрет, к сожалению, не передав свой дар никому — ее сын совсем к этому не расположен, а его единственный ребенок, внучка Тая, слишком необычное существо.

Приехав домой, Лидия Ивановна только успела заварить себе крепкого травяного чаю, когда раздался телефонный звонок. Когда она подняла трубку, то услышала голос внучки — та была взволнована, но как всегда говорила очень обстоятельно и по сути.

— Бабушка, я увольняюсь с работы. Меня вынуждают перенести отпуск, но я не могу себе этого позволить. Твои духи говорили, что я должна жить в столице, но, по-моему, они ошиблись. Я возвращаюсь и….

— Тая! Девочка моя! А почему тебе не дают отпуск? —

перебив, уточнила Лидия Ивановна. Шаманка почувствовала внутреннее беспокойство, которое в ее классификации являлось интуицией или "шепотом духов".

— Павел Геннадиевич отправляет меня с делегацией китайцев на Черное море на месяц! — выдала главную новость Тая. Она не видела, как ее бабушка схватилась за сердце, но услышала ее частое дыхание, выдававшее крайнюю степень возбуждения.

— Бабуль, тебе плохо? — вскричала Тая, но женщина пока не в силах была вымолвить ни слова. В голове очень отчетливо вспыхнули картины ее последнего сна, который все это время ускользал из ее сознания…

Таю накрывает волной шторма, а потом со всей силы бьет о корпус огромного судна. Тело девушки, которое по всем законам физики должно было расплющить в лепешку от силы морской стихии, вместо этого совершенно немыслимым образом взорвалось, разлетевшись на тысячи осколков, но только это были не ошметки мяса или кусикостей, а брызги белой пены, которые смешалась с волной и схлынули, унося с собой то, что когда-то было рыжеволосой внучкой Лидии Ивановны. Шторм утих, тучи разбежались как пугливые птицы, а водная гладь отразила мирный свет полной луны. Море приняло жертву…

— Духи сказали, что от судьбы не уйдешь, милая, — с трудом, но все же выговорила старая шаманка, придя в себя и обретя голос. Она не могла сопротивляться воле Тшаз-

де-олмай. Похоже, ему нужна была ее внучка — наверное, он что-то задолжал богу того моря, куда посылают ее кровинушку. Было горько, но Лидия Ивановна никогда бы не пошла против воли тех, кто по ту сторону, так как кара могла быть несоразмеримо хуже ухода ее внучки к предкам.

Старая шаманка знала, что Таю ждет особая судьба, так как с самого рождения та не была до конца земным созданием. Так что, может статься, девушку, наконец-то, зовет к себе ее мир. Вот таким вот хитрым образом.

— Что это значит? Бабушка? Ты меня отпускаешь? Но разве я смогу пройти ежегодный ритуал без твоей помощи?

— Там есть море — это главное. Я пойду к сейду без тебя в нужный день, а тебе стоит лишь делать то, что и всегда. Мы справимся.

— Ты уверена? — голос Таи звенел, рассекаемый радостью. На самом деле она была счастлива остаться в "Мегастрое", так как привыкла к коллективу и хорошей зарплате. Да и что скрывать, ей очень хотелось увидеть море, в котором любят купаться все, а не только она.

— Я уверена, деточка. Сам Тшадзе-олмай уверен в этом, так что езжай, мы решим все, — скрепя сердце и чувствуя себя Иудой, подтвердила шаманка.

***

Бабушкино благословение немного успокоило — с одной стороны, но все же я не была столь наивным человеком, чтобы игнорировать сигналы здравого смысла: будет непросто.

Но если все продумать, все просчитать… то помешать мне смогут только непредвиденные обстоятельства, а ведь они уже начали вмешиваться в мою жизнь.

Я вздохнула и посмотрела на собранный в Мурманск чемодан. Не подходят вещи, которые я накупила для лета на родине, к черноморскому побережью. Пожалуй, мой багаж должен стать значительно легче, как и кошелек: мне нужно на шоппинг за летней одеждой. Да только вот не успеваю я делать покупки в свойственной мне обстоятельной манере: сначала обойти все магазины, затем проанализировать, что из подошедшего по размеру и фасону более практично и выгодно. Сейчас требовалась стремительность, так как у меня ровно одни сутки: сегодня дали выходной чтобы собраться, а завтра мы вылетаем — билеты взяли в Геленджик, а оттуда уже на автобусе до чуда-города Жемчужный.

Вспомнив все, что знаю об этом населенном пункте, я естественным образом переключилась мыслями на его мэра. Сложно забыть этого человека — впечатление он произвел самое что ни на есть противоречивое. Вроде и толковый: говорил по существу, был готов к конструктивному диалогу, но так спесив и самонадеян, словно столицу возглавляет. Городок-то по сути замшелый, с количеством жителей в двадцать тысяч человек, а гонора у Штайнера на троих. Впрочем, и харизмы навалом.

Я поймала в голове видение жемчужинского босса, и снова как наяву услышала стук его золотого паркера о стол.

Фыркнув, произнесла вслух: “Позер!” Возразить было некому, так что я осталась при своем мнении.

А вообще, настроение было приподнятым. Путешествие предстояло сложное, но сердце все равно трепетало в предвкушении чего-то нового. Столица утомляла — людно, шумно, суетливо. Будучи рациональным человеком, я, конечно, минимизировала себе стресс, сняв квартиру недалеко от работы — это помогало не сойти с ума. В этом городе я оставалась только из-за моей бабушки. Она постоянно мне говорила, что моя судьба намного ярче, чем тлеть в нашем северном городе. Она была уверена, что я рождена для чего-то эдакого, а эдакое нужно искать в столице. Так что “Терпи и живи, Таисия. Потом поймешь, во имя чего все это!” — говаривала она. Понять я не поняла, зато начала зарабатывать, привыкла к сутолоке и почти научилась жить спокойно без запаха моря целых одиннадцать месяцев.

Набрав шефа в смартфоне, я обрадовала Павла Геннадьевича, что согласна на командировку — теперь отступать было некуда.

Компания в поездке у меня подобралась беспокойная. Совершенно неожиданно выяснилось, что в Жемчужный со мной и толпой азиатов едет Наталья Николаевна, а не Павел Геннадиевич. Как она уговорила его махнуться, я не в курсе, но в таком составе командировка становилась для меня еще более энергозатратной: наша царица любила внимание в ненормированных дозах. Впрочем, судя по ее реакции на

Штайнера, есть надежда, что одолевать она будет этим не меня.

Моя прямая задача — это сопровождать китайцев. Эта орава из пятнадцати человек на Черном море пробудет всего неделю, после чего четырнадцать из них я посажу на самолет в обратный путь. Со мной и Коростылевой останется только один — Ли Вэй. Этот азиат, в отличие от его коллег, меня очень даже устраивал — мужчина прекрасно говорил на английском и даже немного на русском, долго жил за рубежом, а потому понимал, что такое разница культур, и вел себя очень адекватно. Главное его достоинство, с учетом моей ситуации, это то, что в крайнем случае с Натальей и Штайнером он сможет пообщаться и без меня.

Итак, я разработала план стремительного шоппинга. И в этом деле мне нужен был специалист. Набрав номер своей единственной подруги — Галки, я дождалась, когда она ответит и взмолилась:

— Галь, проинформируй меня, где купить очень летние вещи – чтобы и на работу, и погулять. У меня только деловые костюмы, а нужно что-то совсем на жару.

— Таська, ты взялась за ум! У тебя любовник, и ты летишь с ним в Гагры? На Бали? К черту на куличики?

— Что из того, что я сказала, навело тебя на такую мысль? — озадаченно спросила я, а подруга хохотнула.

— Как что? Слово “погулять”!

— Но я имела ввиду именно это: вдоль моря, по городу

и все такое…

— Ясно, никаких любовников. Ну тогда идем, я покажу тебе место, где есть то, что тебе нужно.

Шоппинг с Галей — это триллер с элементами комедии. Хотя в этот раз было и не смешно. После долгих споров и препираний я стала счастливой обладательницей целой охапки цветастых платьев, совершенно бесстыдного купальника и огромной соломенной шляпы. Против нее я протестовала максимально яростно, но подруга была непреклонна: образ должен быть фривольный. По ее мнению, Черное море просто обязано было принести мне романтическое приключение, а иначе "зачем вообще все эти командировки". Я смирилась, так как синим чулком по своей сути не была: в теории мне тоже нравились яркие цвета и летящие силуэты в одежде.

В ночь перед вылетом мне снились сны. Бабушка говорила, что это ночные вестники будущего. Надеюсь, это не так — такого будущего и даром не надо. Под утро я распахнула глаза, задыхаясь. Всю ночь в моем сне я тонула — долго и мучительно, не в силах пошевелиться. Раскинув руки и глядя вверх, я шла ко дну, всматриваясь в удаляющуюся от меня водную поверхность. Показалось, что перед глазами мелькнула тень — рыба или человек? Этого я не узнала: тело сковало болью, а я зашлась в немом крике, выпуская в воду безмолвные пузыри. На этом моменте я проснулась и побежала в душ успокаивать расшалившееся сердце.

***

Ровно в девять утра наша компания прибыла в аэропорт. Своих подопечных я забрала с гостиницы на автобусе нашей фирмы. На переднее сидение ко мне сразу плюхнулся Ли Вэй.

— Здравствуйте, Тая. Вы прекрасны, как рассвет. Я чувствую в вас сосредоточение природного волшебства, — сказал мужчина на английском, чтобы не делать свою речь достоянием всех его спутников.

— Господин Ли, вы как всегда перебарщиваете, — спокойно ответила я, а мужчина покачал головой и поцокал языком:

— Не скажите! В юности я год прожил в буддийском монастыре — хотелось укротить молодую и немного безумную кровь, чтобы не пойти по нехорошей дорожке. Так вот, когда я медитировал у лотосового пруда, напитываясь предрассветной праной, я ощущал то же, что и сейчас рядом с вами, милая леди. Описать это можно только стихами, которые я еще не придумал. Меня тянет к вам. Не обессудьте, но я собираюсь использовать любую возможность, чтобы подышать манящей свежестью вашей жизненной энергии.

Китаец откинулся на спинку автобусного сидения и закрыл глаза. На его губах то и дело проскакивала легкая улыбка, как будто мужчина и правда получал некое эксклюзивное удовольствие, сидя рядом со мной.

Я пожала плечами и не стала ему мешать, хотя то и де-

ло на него поглядывала. Ли Вэй был хорош. Около тридцати пяти лет, которые не оказали влияние на его безупречно гладкую, слегка смуглую кожу. Он был высок и красив, но не новомодной женственной красотой молоденьких азиатских мальчиков, сделавших себя под ножом пластического хирурга, — Ли выигрывал особой энергетикой, в которой сочеталась зрелая сдержанность конфуцианских мудрецов и легкая хитреца, притаившаяся в глубине умных черных глаз.

Через час мы были в аэропорту, где встретили Наталью Николаевну, как всегда одетую так, что хоть на прием во дворец, и дружной толпой направились на регистрацию багажа и посадку. Наше путешествие началось.

***

В главных ролях (визуалы): https://litnet.com/shrt/Ep5I

Глава 3. О рыцарях, армии и улыбках

Природа никогда не спешит, но всегда успевает
Лао-цзы

Аэропорт Геленджика встретил нас прохладой, хотя рассчитывать на то же самое за его стенами не приходилось: пилот перед посадкой пробулькал в динамики, что температура в городе около тридцати градусов жары. С какой-то целью он даже сообщил нам температуру морской воды, которая, по его сведениям, достигла двадцати градусов. Я мысленно ужаснулась. Привыкнув к воде, которая нагревалась всего лишь до плюс восьми, максимум — десяти градусов, я боялась свариться в черноморском кипятке. Я даже душ по привычке всегда принимала ледяной, вообще не прикасаясь к вентилю горячей — никакого удовольствия, если на тебя не льются освежающие струи.

Обдумав ситуацию, решила, что, когда придет время, уплыву подальше и поглубже — не на мелководье пляжа же я с отдыхающими плескаться буду, в самом деле. Представив эту картину, усмехнулась, на что тут же отреагировала Наталья.

— Таечка! Скажи мужчинам, что мы направляемся в зал выдачи багажа, — зачем-то приказала она, хотя Ли Вэй

уже давно объяснил наши дальнейшие планы своим соотечественникам.

Прилетели мы эконом-классом. Павел Геннадиевич хотел отправить всю группу бизнесом, но на этом рейсе не оказалось достаточного количества мест, что вынудило всех из чувства солидарности лететь в основном салоне. Наталья, правда, упорствовала, настаивая, чтобы ей забронировали отдельный билет, но тут уж слово взяла я. Пришлось объяснять, что если меня оставят с китайцами в эконом-классе одну, отправив замдира в повышенный комфорт, это автоматически поставит всех наших инвесторов на ступеньку ниже ее и тем самым унизит. Чтобы Наталья Николаевна летела с комфортом, к ней должны присоединиться все, кто в нашей группе относится к топам — без четкой иерархии тут никак. Времени заморачиваться и сортировать китайцев на главных и не очень не было, так как все как всегда делалось в последний момент, поэтому мы пошли по пути наименьшего сопротивления — всех уравняли, запихав с обычным российским людом.

Китайцы, к слову, об этом вообще не пожалели — им было весело. Практически весь самолет летел в Геленджик на отдых, а потому настроение у российских пассажиров было соответствующее: солнечное и куражное. Они громко общались, просили налить им вина или пива и учили моих азиатских подопечных материться.

Эти несколько часов я практически не сидела, так как “то-

варища переводчика” звали со всех рядов, где расположились китайцы. “Ну вот переведите им, что наша водка — это национальный продукт, в котором вся мудрость русского народа!.. Девушка! Спросите у товарища, почему их товары такие некачественные. Я вот недавно джинсы купила “мейд ин чайна”, разошлись по шву на второй день… Переводчик! Скажи, что “на здоровье” — это и есть их “комбай”! Не понимает меня этот Хошимин… А это японцы или китайцы? Я вот вообще не различаю! Я вашего товарища Ким Ченына хорошо знаю, молодец мужик! Не прогнулся перед империалистами!”

К посадке весь борт пел “Катюшу”...

Это была не вся прелесть полета. Добавляла перцу Наталья Николаевна, которая постоянно капризничала: то спину ей ломило, то было душно. Стюардессы улыбались нам дежурными улыбками, но я понимала, что на самом деле они нас ненавидят. Меня за то, что я бегаю по рядам даже во время турбулентности, Наталью — за ее предсмертные конвульсии, а остальных — просто за то, что они существуют.

И все же мы долетели, и улыбки прощающегося с нами экипажа самолета были очень искренними. Ответный волчий оскал Коростылевой тоже был вполне себе от души.

Мы добрались, это была победа, но на этапе получения багажа случился конфуз. У большинства из нас, включая меня, была только ручная кладь, но Наталья, Ли Вэй и еще парочка китайцев везли запрещенку — предметы, которые нельзя

брать в салон самолета. В основном это были сувениры для администрации Жемчужного, а в случае с Коростылевой — еще и литры косметических средств. В итоге пришлось стоять возле ленты, ожидая появления нужных нам чемоданов.

Выловив с транспортера практически весь наш багаж, мы дружно высматривали последний: серебристый кейс нашей царицы. Спустя минут двадцать ожидания лента опустела, а его туда так и не выкинули.

— Это как же?.. Это что же?.. — хватала воздух ртом Наталья, не в силах смириться с катастрофой вселенского масштаба, обрушившейся на нее, а я, оглядываясь по сторонам, вдруг заметила искомый объект. Его катил за собой высокий, крупный мужчина — лица я не видела, только широкую спину в цветастой рубашке, обтянутые джинсами могучие ноги и вихрастую светловолосую голову.

— Эй, стойте! — рванула я вперед, не предупредив своих спутников. Погоня должна была быть короткой: мужчина приближался к дверям на выход в основной зал, а я, путаясь в ногах, готовилась к тому, чтобы его схватить. Однако мои нижние конечности как всегда не были готовы к подвигам, несмотря на мягкие, удобные мокасины без каблуков. Ситуацию осложнил еще и человек с тележкой, совершенно неожиданно пересекший мой путь. Затормозить я не успела, а потому на полной скорости налетела на гору чужих чемоданов и с криком ее опрокинула, привлекая внимание половины аэропорта. Нет худа без добра — обернулся и мужчина

с серебристым чемоданом.

— Стой… Мой… — барахтаясь в рассыпавшемся багаже и пытаясь встать на четвереньки, сипела я. Выручать меня одновременно подбежали двое: Вэй со словами "Нельзя спешить, ведь в спешке нет времени созерцать!" и белобрысый вор, который схватил меня за шиворот и поставил на ноги, пророкотав со сдавленным смешком: "Хренасе ты даешь! Я такое последний раз в Цирке дю солей видел. И номер этот объявляли как смертельный!"

Восстановив равновесие и приняв извинения мужика с тележкой, я вспомнила, куда и зачем бежала, и рявкнула на здоровяка:

— Это наш чемодан!

— Где? — не понял мужчина.

— Тая… — начал было Вэй, но я подняла руку, призывая его замолчать.

— Вот! — указала я на багаж, стоявший рядом с ногой сорок пятого размера. — Я этот чемодан узнаю из тысячи. Лимитированная серия. Наша ца… Наталья Николаевна за ним охоту полгода вела…

— А, вот оно что, — протяжно усмехнулся мужчина. — Эта штука действительно не моя, но и не твоя, Рыжик. Бывшая выставила меня из дома, собрав мои вещи в этот кейс.

— Да он стоит столько, что ни одна женщина в здравом уме не отдала бы…

— Вот! Теперь ты понимаешь, почему я не расстроился

из-за того, что она меня бросила? Сумасшедшая! – с преувеличенно обрадованным видом поделился этот клоун.

— А что вы делали в аэропорту в таком случае? — с подозрением уставилась на него я.

— Как что? Прилетел! Вон, смотри на табло, Рыжик! Рейс из Питера!

— Таисия! Я пытаюсь сказать, что чемодан Натальи обнаружен, и вы зря допрашиваете этого мужчину, — вклинился наконец в беседу внимательно слушающий и наблюдающий за нами с видом древнего китайского мудреца Вэй.

Вот что ему стоило докричаться до меня минутой ранее? Но этот азиат никогда не спешил и не повышал голос — вечный дзен и никакой суеты.

— Так, ну раз разобрались, давай знакомиться, — подмигнул мне несправедливо обвиненный. Мужчина продемонстрировал снисходительность и очевидную легкость характера, не став орать: "Ну вот видишь! Я же говорил!" — Меня зовут Даня или Данил. Ну, вообще-то, Даниил, но это имя делает из меня иерусалимского пророка, а я ж не похож, да?

Мой новый знакомый улыбнулся, и я всерьез принялась изучать — похож или нет. Любитель спортзала и татуировок, обладатель красивого загара, лохматой стрижки и морщинок-смешинок в уголках глаз — он мне понравился. На вид чуть старше меня или ровесник, то есть ему лет двадцать восемь или около того.

Информация о том, что его бросила девушка, вдруг подсветилась в мозгу зеленым. *Что там говорила Галя насчет курортного романа?* Эх, в другое время можно было бы… *Или рискнуть?* Я боролась с сомнениями, а вот блондин не боролся ни с чем. Давно не видела настолько дружелюбного и незлобливого человека. Похоже, мы повстречали типичный продукт юга России. Я слышала, что люди тут чаще улыбаются.

— Может, я подвезу вас? Куда путь держите? — спросил Данил, но его перебили.

— Вот прям всех? Да вряд ли получится. Не влезем! — своим самым эксклюзивным вариантом змеиного шипения вдруг выдала Коростылева над моим ухом. Всем как-то сразу стало понятно, что Наталья пришла, Наталья недовольна. Я внутренне собралась, но сбилась со своего дзена, наблюдая за выразительной реакцией Данила. Тот оценивающе посмотрел мне за спину и громко присвистнул.

— Ой, сколько же вас! Это ж куда вы, а? Две девчули и китайская армия добровольцев!

— Мы — в Жемчужный! А вы прощайте! — моя начальница махнула рукой, призывая следовать за ней и ожидала, что я это переведу иностранцам.

— О как! А у нас тут настоящий полководец нарисовался! — поднял бровь мой новый знакомый. — А представьте меня, уважаемая Таисия, вашему командиру!

— Ой, вот только не надо меня со всякими проходимца-

ми знакомить, — прошипела Коростылева, хватая меня за локоть. — Да еще с женским чемоданом.

Данил совсем не обиделся на ее грубые слова. Я залипла на том, как, смеясь, он чуть отклонил голову назад и разворошил рукой и без того торчащие в разные стороны волосы — получилось очень по-мальчишески. Почувствовав ощутимый тычок локтем от Коростылевой, я бросила любоваться, очнулась и скомандовала нашей группе направляться к выходу. К счастью, блондин не отставал, на ходу продолжая знакомиться — я была рада, мне очень хотелось продолжить общение.

— Тасенька, так как зовут вашего генерала? — опять пошел в наступление Данил, громыхая колесами катящегося за ним багажа. Я зачем-то опустила глаза и увидела, что в его руках каким-то образом материализовался еще один серебристый чемодан — теперь у него было два идентичных. Похоже, он подхватил вещи моей начальницы, которая сама свою поклажу носить или возить не изволила. Раньше это делала я, а тут отвлеклась.

— Наталья Николаевна, — ответила, решив, что ничего в этом нет, и тем самым выражая Даниле свою признательность за помощь. Было немного обидно такое пристальное внимание к другой женщине со стороны объекта моей симпатии, но это закономерно: рядом с Натальей другим представительницам моего пола всегда приходилось несладко.

В то же время сама примадонна на наши реплики никак

не отреагировала — не слушая их или делая вид. Достав свой смартфон и проверяя мессенджеры и почту, Коростылева углубилась в дела и не обращала на нас внимание. Она шла, уткнувшись в гаджет, и что-то строчила на ходу, прикусив нижнюю губу от напряжения.

— А вы знаете, девчули, — с загадочным видом вдруг произнес Данил, — я, кажется, знаю, кто вы. Вы — та самая делегация, что будет строить отель.

— Откуда?.. — искренне удивилась я.

— Птичка на хвосте принесла. А вообще, Жемчужный — небольшой город…

— Так вы тоже оттуда? — воскликнула, почувствовав, как усилило стук мое сердце, а затем и щеки порозовели — не помню, когда последний раз я так волновалась.

— Именно. И больше скажу — работаю я как раз там, куда вы сейчас направляетесь.

— Что вы имеете ввиду? — спросила я, а моя начальница, наконец, прислушалась, скосив глаза в нашу сторону.

— Отель “Изумрудный”. Я там тружусь, а вы там будете жить. Я не сразу догадался, хотя стоило бы… — как будто с досадой произнес мужчина.

— А… кем вы там работаете? — вдруг подала голос Наталья, окинув мускулистую фигуру мужчины с неожиданно вспыхнувшим в глазах интересом.

— Я? Так разнорабочим, — с готовностью ответил наш спутник. — Кран починить, трубы прочистить…

Интерес Коростылевой угас как ни бывало, а я наоборот, улыбнулась своим мыслям. Как все легко получается: в случае чего всегда можно найти повод пообщаться с парнем.

За разговором мы вышли из аэропорта, очень хорошо прочувствовав этот момент: всех одновременно посетило ощущение попадания то ли в духовку, то ли на костер.

— Бо-оже! — раздался стон Натальи, на который даже я повернула голову, что уж говорить о мужчинах. Пятнадцать китайцев и один житель Жемчужного пристально наблюдали, как женщина снимает пиджак своего светлого делового костюма, расстегивает верхние пуговицы блузки, а затем обмахивается носовым платком и протирает им открывшийся кусочек шеи и груди. Мне кажется музыка, зазвучавшая у всех саунтрэком в ушах, была примерно одинаковая. Это эротическое шоу повергло всех в состояние некоторого ступора, пока его же виновница не рявкнула:

— Что стоим? Где автобус? Я сдохну в этом аду!

Уж не знаю, чего она так завелась — в столице жара летом бывает тоже, будь здоров. Но, возможно, сыграл роль тот фактор, что вылетали мы из пока еще относительной прохлады с тучами и моросящим дождем, а прилетели в печку.

Так или иначе, но к парковке мы добрели успешно. Нас должен был забрать автобус, направленный администрацией города. Оставалось его найти. Таковых была масса, и какой из них наш, нужно было еще определить.

— А во-он тот автобус за вами! — вдруг сказал, тыча

пальцем, Данил. — Сегодня, похоже, Михалыч за рулем, пойдем, я вас сразу и познакомлю! — блондин становился все более и более полезным — даже Вэй, молчавший все это время, сказал:

— Случайное — не случайно. Очень важная встреча! Удача нам благоволит. Но вы, Тая, не смотрите на этого парня. Он вам совсем не подходит как мужчина.

— С чего вы взяли?.. Ой, да мне все равно, имею ввиду, — поправила я себя, а сама взглянула на китайца в ожидании продолжения. Тот как назло замолчал, словно напрочь потерял интерес к этой теме. Мне не нравились подобного рода утверждения без доказательств. Лично я видела в Даниле приятного внешне, живого и искреннего парня. Что там мне не подходит-то, в самом деле?

Через пять минут вся наша армия сидела в автобусе. Наталья наконец-то успокоилась, ощутив холодок кондиционированного воздуха, а я смотрела в окно, наблюдая, как Даня идет к своему авто. Сел он в небольшой, потрепанного вида минивэн, увидев который Наталья пренебрежительно поморщилась и пробормотала довольно громко:

— Еще и машина — развалюха. Я так и знала — нищета!

Я в это время дышала на стекло и рисовала на запотевшем кусочке сердечко, мечтательно глядя на движущуюся по трассе рядом с нашим автобусом машину Данила. Сердце трепетало. Может, бабушкины духи послали меня сюда не просто так? Может, в моей жизни произойдет что-то очень

важное?

Глава 4. О том, что сказку можно найти везде, и не всегда в сказке

Будьте там, где вы есть, иначе вы пропустите саму жизнь

Будда Шакьямуни

До Жемчужного мы добрались примерно к шести вечера. Жара нисколько не спадала, мне даже показалось, что стало еще более душно — словно солнце предчувствовало приближающийся вечер и спешило прогреть нас с удвоенной силой. Впрочем, когда мы прибыли на место, я напрочь забыла обо всех неудобствах и иных ощущениях, кроме восторга: то, что я увидела, было просто чудесным. Отель "Изумрудный" выглядел словно иллюстрация к доброй детской сказке. К нему мы подъехали, не сворачивая в город — оказалось, что место нашего ночлега находится не то чтобы на окраине, но все же и не в центре: отель притаился со стороны побережья, где жилых построек практически не было, в основном базы отдыха, гостиницы, пляжи. "Изумрудный" стоял особняком и от этих нечастых вкраплений цивилизации, закрывшись скальными выступами, поросшими лесом.

— Я не поняла! Тут что, никакой инфраструктуры? — первое, что сказала Наталья Николаевна, когда вышла из автобуса. — В какую дыру нас запихали?

— Первая линия, — хохотнул подошедший Данил. Он обогнал нас на трассе и уже какое-то время пребывал в гостинице. — За вами будет приезжать Михалыч, да, Михалыч? — Удовлетворившись угрюмым "угу" пожилого усатого водилы, блондин продолжил болтать. — Он будет отвозить вас в город и обратно. А тут тихо, пляж в нескольких шагах. Разве не красота?

— Очень здорово, — восхищенно подтвердила я, глазея на трехэтажное здание отеля, который недаром назвали "Изумрудным". Все его стены были оплетены плющом. — Не знала, что плющ растет и на побережье.

— Он растет там, где его посадят, — усмехнулся мужчина, стрельнув в меня взглядом, а потом вновь повернулся к нашей королеве, которая в это время нервно озиралась, недовольно сморщив носик. — Уважаемая Наталья! В гостинице всего восемь комнат на этаже, чужих людей толком нет, так что вы будете тут своей компанией. Никто не побеспокоит и не станет нервировать наших столичных умниц! — похоже, он делал комплимент. Нам обеим. Но смотрел на Коростылеву, вызывая у меня тем самым непрошенную досаду.

— Это ж сколько тут комаров! Надеюсь, в комнатах установлены противомоскитные сетки, — не унималась она, прихлопывая кого-то в воздухе. Наша главнокомандующая игнорировала слова Данила, хотя он был единственным, кто вообще обращал на нее внимание. Остальные были сражены очарованием окружающей природы и не реагировали на ее

злобное шипение.

— Зачем тут что-то строить, коль уже есть такая красота? — спросила я, а Ли Вэй, который как всегда совершенно бесшумно подкрался и встал слева, вторил мне:

— Тут я чувствую гармонию. Надеюсь, свой отель мы будем возводить вдалеке отсюда, это место уникально, его нельзя разрушать многолюдьем…

— Ваш отель построят в десяти километрах, а "Изумрудный" никто трогать не будет. Это частная земля, владелец ни за что с ней не расстанется, — бодро ответил Даня. — Ну что, шагаем внутрь?

Спорить никто не стал, все схватили свои вещи и с предвкушением зашли в вестибюль. И он не подвел. Внутри все дышало уютом и стариной. Не совковой однотипной штамповкой, а эксклюзивной красотой начала прошлого или даже конца позапрошлого века. При этом элементы лепнины, резная мебель и цветовые сочетания были так изысканны и изящно подобраны, что мне захотелось сказать: "Браво!" дизайнеру — в современном мире повсеместного хайтека и китча это пространство было просто глотком свежего воздуха.

Нас встретила женщина средних лет — седые волосы уложены в сложную прическу, а платье было под стать окружающей атмосфере. Красивая, стройная, с осанкой королевы — в ней чувствовались порода и ум. Ее образ очень шел этому месту. Мне даже подумалось, что отель тематический. Ну

или этой женщине просто нравятся платья в пол и крахмальные ажурные воротники.

— Приветствую! — сказала она. — Меня зовут Мария Федоровна, я бессменный администратор этого отеля. Живу я тут же, так что доступна вам на постоянной основе. Номер моего сотового лежит на информационной стойке, — сделав эффектную паузу, женщина посмотрела на нас, словно ожидала вопросов или возражений. Мы молчали, сраженные ее харизмой. Китайцы даже автоматически начали кланяться, хотя я активно переводила, объяснив, кто перед ними, чтобы они ненароком не решили, что она берет их в рабство. — Я прошу вас присесть. Сейчас я всех зарегистрирую, а затем вас проводят в номера. Завтрак с семи до девяти, обед с часу до двух, а ужин в семь. Наша трапезная вон за той дверью. Рядом нет никаких магазинов, но в отеле имеется небольшой бутик, в котором вы сможете найти большинство необходимых вам бытовых мелочей. Если чего-то не нашли, обращайтесь ко мне. — Мария Федоровна рассказывала очень бодро, сопровождая свои слова активной жестикуляцией и указывая рукой нужные направления словно стюардесса в салоне самолета. В вестибюле никто не смел шелохнуться или кашлянуть, пока она не закончит.

Вот это женщина! Мне кажется, она раньше завучем была в школе. Или даже директором!

Когда краткий ликбез закончился, Мария Федоровна вернулась за стойку ресепшена и начала споро оформлять каж-

дого присутствующего. В течении пятнадцати минут все было готово — даже наша страдалица не успела возмутиться.

Наталья Николаевна все это время, утонув в мягком кресле, которых было в вестибюле в достатке, пребывала в блаженном состоянии расслабленности и покоя. Все присутствующие с подозрением посматривали в ее сторону, ожидая, когда же она наконец взорвется и начнет на что-нибудь жаловаться. Наша королева молчала — то ли тоже впечатлилась нашим администратором, то ли и на нее все же подействовало очарование гостиницы.

После того, как всем выдали ключ-карты, в вестибюль как по мановению волшебной палочки вышли двое портье. Это были молодые парни, которые с любопытством посматривали в сторону китайцев, пряча улыбки. Я скомандовала моим подопечным следовать за ними, после чего наша китайская армия потянулась стройными рядами влево от стойки администратора. Нас с Натальей Николаевной вызвался проводить Даня, который схватил чемоданы и бодрым шагом направился прочь от всех остальных — направо. К лестнице.

— А лифт? — возопила моя начальница.

— Есть, но он маленький и по понятным причинам сейчас загружен: половина ваших маодзедунов направляются на второй этаж. Слишком долго ждать.

Наталья фыркнула, а я с ней мысленно согласилась: подождать я была не против — вестибюльные кресла очень удобные, а вот ходить я тоже не любила.

— Да всего-то третий этаж! Девчули! Что-то вы, городские, хилые какие-то. Наш воздух должен вселить в вас немного энергии. Чаще гуляйте! — вещал наш провожатый, бодро переступая через несколько ступенек сразу, а мы с Натальей плелись позади него, дружно оценивая обтянутые денимом мужские ягодицы перед своими лицами.

На этаже мы подошли к комнате под номером 301, которая находилась недалеко от лестницы и оказалась моей. Данил поставил мой чемодан и повел Коростылеву — ее номер располагался в самом конце коридора. В это же время лифт открылся, и из него как белый человек спокойно вышел Ли Вэй. Подмигнув мне, он подошел к своему номеру — его поселили аккурат посередине.

Я не заходила в комнату и, стоя на пороге, ожидала Данила, который шел по направлению к лестнице.

— А ещё на этаже кто-то живёт? — спросила я, привлекая его внимание.

— Пока других гостей нет, — он остановился напротив меня. — Отдыхайте и не забудьте, что в девятнадцать часов ужин. У вас “ол инклюзив” — не пропустите. Другой еды тут не достать, есть только автомат со снеками типа чипсов.

— А вы… — мне хотелось спросить, когда я смогу его увидеть, но так и не сформулировала вопрос.

— Я все же настаиваю, давай "на ты". Рыжик, ну ты же нормальная, вроде. А то я путаюсь, — Данил улыбнулся, перевернув мой мир с ног на голову и обратно несколько раз.

Он назвал меня нормальной! Это комплимент?

— Хорошо, я согласна.

— Тогда держи, — с этими словами он протянул мне клочок бумаги, который вырвал из маленького блокнота и на котором написал номер своего сотового. — Звони, если тебе или твоей начальнице что-то понадобится. Я обитаю за отелем в небольшом гостевом домике. Тоже если что…

Это намек? Он приглашает в гости?

Я дико волновалась, так как последний раз на свидании была очень давно, а теперь вдруг жутко захотелось. Такое очаровательное место: можно гулять по берегу, целоваться в тени деревьев…

— Рыжик! Все хорошо? Ты так плотоядно облизываешься, — хохотнул мужчина. — Скоро ужин, держись!

С этими словами, он, насвистывая какую-то мелодию, развернулся и пошёл к лестнице, а я, вздохнув, закрыла за собой дверь и оглядела свой номер.

Скорее всего, в этой гостинице я беспрестанно буду использовать слово “чудесный”. Взглянув на мое жилище на ближайшие несколько недель, я подумала, что оно… чудесное! Комната была оформлена очень нежно и по-девичьи: задорные шторы в цветочек, светлые обои с рисунками в пастельных тонах, большая кровать, застеленная лиловым одеялом и обложенная множеством подушек. Деревянный стол и стулья с резными ножками и даже пуфик! Милота!

Я крутила головой, ловя себя на желании прикасаться к

вещам, вдыхать аромат этой комнаты и даже броситься со всего разбегу на постель. Решив воплотить свое желание в жизнь, я вдруг остановилась: мой взгляд наткнулся на картину, которая висела на стене прямо над кроватью. То, что было там изображено, ошарашило и заставило впасть на некоторое время в ступор.

Это была акварель по мотивам сказки про Русалочку — не красочного американского мультика, а текста Андерсена. Судя по всему, на картине был запечатлен момент, когда главная героиня превращается в пену морскую: из воды торчал ее хвост, видна была рука и часть головы, а остальное уже почти смешалось с волной. Над водой как будто парил ее дух — тем самым художник намекал не на совсем уж печальный конец этой истории.

Мне картина не понравилась: было похоже, что бедная дева просто закипела от слишком горячей воды на черноморских пляжах. Бр-рр… Это ж чья больная фантазия позволила это нарисовать, да еще и украсила этим стену комнаты, которая еще пять минут назад казалась такой милой? И ладно художник, эти могут изображать и не такое — творческие люди, что с них возьмешь, но кто выбрал этот кошмар для декора? Нужно при случае узнать у Марии Федоровны.

Я, безусловно, помнила настоящий сюжет этой истории — он подпортил психику многим российским детям, особенно знакомым с экранизацией этой драмы. С раннего детства я никак не могла понять и принять страдания и жерт-

венность Русалочки из-за любви, поэтому постоянно придумывала свой финал. Обычно в моих фантазиях она с самого начала выбирала себя: понимала, что жизнь прекрасна, а мужчины приложатся, после чего уплывала в кругосветку посмотреть, как живут люди и русалки в других краях.

В данный момент мне очень захотелось снять картину со стены, что я и сделала, забравшись с ногами на кровать. Когда она оказалась у меня в руках, я увидела, что до этого на стене висело что-то другое, так как темный, невыгоревший цвет обоев очерчивал меньший по площади квадратик. Внимание, вопрос: ее повесили недавно? Но никто же не мог знать, правда? Случайности случаются — решим так. И все же… бр-рр…

Спрятав картину с глаз долой, я попыталась выкинуть ее и из головы, занявшись раскладыванием вещей в небольшом дубовом шкафу. Он пах деревом и лаком — раритетная мебель тут, дорогая!

Я успела освежиться и переодеться, когда в мою комнату постучали. Тяжко вздохнула, услышав голос моей начальницы:

— Таечка, откройте! Предлагаю вместе идти на ужин. Мне тут одной как-то неуютно.

Открыв дверь, я увидела Наталью Николаевну в полной боевой готовности: короткое платье вишневого цвета, красивая укладка, изящные босоножки на шпильках. Она тоже провела инспекцию моего наряда, прищурив глаза.

Я готовилась: надела изумрудный сарафан с разрезом на бедре, собрала волосы в высокий хвост, в уши продела любимые янтарные серьги. Что скрывать, я очень надеялась встретить Данила и произвести на него впечатление. На секунду я даже подумала о том, чтобы просить Коростылеву о снисхождении. А вдруг она согласится оставить нашего сегодняшнего рыцаря мне — ну вряд ли ей нужен такой, как Даня. Однако не стала унижаться. К тому же, вряд ли это бы помогло. Скорее, я только раззадорила бы ее и вызвала обратную реакцию: эта хищница чисто из принципа вышла бы на охоту за блондином. Даже сейчас ноздри этой женщины как будто затрепетали — инстинктивно она учуяла соперницу и напряглась.

В ресторан мы спускались, гордо выпрямив спины, как два дуэлянта за пять минут до рокового поединка.

Глава 5. О встрече кота и русалки возле дуба

– Что такое путь? – спросил монах у Дзёсю.
– То, что начинается за забором.
Буддийский коан

Столовая, кафе или "трапезная", как назвала ее Мария Федоровна, выглядела, как и все в этом отеле, изысканно и утонченно, вызывая самые возвышенные чувства. Столы были накрыты нарядными скатертями, на них стояли позолоченные вазы с цветами, а посуда создавала впечатление, что на ужин ожидается императорская семья. Хотелось обращаться ко всем "Дамы и господа!" и обмахиваться веером. Никаких громких разговоров, смеха или иной экспрессии — только спокойные беседы и вежливый тон.

Похоже, мое настроение разделяли все члены нашей большой компании: китайцы озирались, не зная, как себя вести. Я прислушалась — кто-то из них предположил, что их поселили в музее. Их дискомфорт вполне понятен, в такой обстановке азиатские мужчины выглядели максимально неуместно: словно инородные элементы, выпадающие из общей картины под названием "тут русский дух, тут Русью пахнет". Вспомнив эти строки, я воскресила в памяти и другие —

про кота и русалку. Интересно, почему писатели и поэты так спешат поиздеваться над обладательницами рыбьих хвостов? Пушкин-затейник морскую деву зачем-то посадил на дерево.

— Таисия, вы прекрасны! — прошелестел Ли Вэй, как всегда совершенно незаметно подкравшись и заставив меня вздрогнуть. — Глядя на вас, я осознаю, что совсем не спешу в нирвану, мне и в сансаре пока неплохо!

Я скосила на него глаза и поблагодарила за столь оригинальный комплимент. Мне, конечно, было приятно, но не так, как если бы мой внешний вид, без всяких там изысков, похвалил другой мужчина — я хотела понравиться Данилу. Однако его нигде не было видно, похоже, ужинать он не придет. Логично — что делать персоналу с гостями отеля? Настроение немного испортилось, но я взбодрилась, вспомнив, что собиралась подарить себе прогулку по округе. Что там говорил наш рыцарь? Живет в коттедже неподалеку? Поищем, посмотрим.

Меня и саму удивляло укоренившееся во мне настойчивое желание преследовать блондина. Словно весь эмоционально-чувственный потенциал моего организма настроился на этого мужчину. Может, дело в том, что через два дня новолуние? А, может, все дело в месте, в котором мы находились? В душе росло волнение, сопровождаемое смутными предчувствиями, время от времени разбегающимися по телу уколами тысяч невидимых иголочек. Похоже, луна уже на-

чала свое воздействие — наверное, на юге она более активная, как и его жители.

Ужин в "Изумрудном" отличался от обычных гостиничных трапез: никакого шведского стола и толчеи. Нас рассадили за столики, после чего официанты начали выносить закуски. Данил не обманул, и мы действительно были единственными гостями, поэтому в помещении преобладала китайская речь. Обслуживали нас те же парни, что и таскали чемоданы — штат отеля, судя по всему, был весьма скромен по своему составу.

Было вкусно, изящно и необычно: предназначенные для разных видов блюд столовые приборы, затейливая подача и разнообразное меню. Мишлен присвоил бы пять звезд, я уверена. Только не было похоже, что "Изумрудный" нуждается в чьей-то оценке. Отель ощущался отдельным миром, почти живым, который обладал неповторимым стилем и чувством собственного достоинства — он дышал эксклюзивностью, призывая нас проникнуться своей чарующей атмосферой.

За столиком мы сидели втроем: я, Ли Вэй и Наталья Николаевна. Коростылева, судя по ее растерянному виду, тоже немного обалдела от обстановки и пыталась решить ребус из выложенных возле тарелки вилок, ложек и ножей. Никто из нашей компании не обладал сакральными знаниями о правилах использования столовых приборов. При этом китайцы особо не заморачивались: они проигнорировали намек и на-

чали с аппетитом уминать за обе щеки все, что им приносили, на удачу выхватывая облюбованный столовый прибор и не пытаясь выяснить, для чего его перед ним положили. При этом звуки, которые они издавали, поглощая пищу, могли бы разрушить очарование любого мероприятия. Мы же с моей начальницей боролись до последнего, пытаясь использовать весь арсенал подручных средств по назначению. Я подглядывала за тем, что делает Коростелева, а она в свою очередь наблюдала за мной.

— Это приборы для закусок, — вдруг раздалось над ухом, заставив нас с Натальей Николаевной подскочить на месте. Ли Вэй при этом даже ухом не повел. Мария Федоровна появилась рядом с нашим столом, причем в моем случае, она стояла у левого плеча, вызывая стойкое желание через него поплевать. — Да, а вот этими можно есть мясо. Нет! Это рыбные приборы.

Пристыдив нас таким образом и напрочь убив аппетит, администратор прошлась по залу, сохраняя невероятное хладнокровие, несмотря на издевательства китайцев над столовым этикетом. Закончив инспектирование, Мария Федоровна спокойно и с достоинством покинула помещение.

— Сильная женщина. Многое видела, многое пережила, — прокомментировал Вэй, уминая салат десертной вилкой без всякой рефлексии.

— Ведьма, — прошептала Коростылева.

Я промолчала, оставив свое мнение при себе. Странный

отель, странные люди, но мне ли жаловаться. Скоро я сама начну бить все рекорды по странностям и неприятностям.

После ужина Наталья пошла к себе, увидев, что поражать своей красотой тут особо некого. Китайцы для нее были пройденным материалом — они уже давно присвоили ей титул "Мисс Вселенная", Дани не было видно, а официанты стоили ее внимания не более чем комары, которых она могла прихлопнуть не глядя.

— Завтра у нас ранний выезд. Сразу после завтрака в восемь едем в мэрию к Штайнеру. Он звонил с подтверждением, — бросила она, словно я и без того не знала наше расписание до минуты. Я смиренно кивнула, и мы распрощались.

Закончив трапезу, часть наших китайцев вместе со мной вышли на свежий воздух полюбоваться закатом у моря, а я направилась по тропинке влево, так как хотела прогуляться в одиночестве. Ли Вэю, который увязался за мной, я тоже вежливо, но твердо сообщила о своем нежелании иметь в данный момент компанию.

Углубившись в лес, я пожалела, что не переоделась, так как каблуки, хоть и невысокие, вязли в покрытой хвоей мягкой почве, а подол сарафана цеплялся за ветки кустов. Но теперь останавливаться я была не готова, так как приближалась к цели: сквозь деревья виднелся небольшой коттедж, который, скорее всего, и являлся жильем Данила. Наверное, со стороны я смотрелась необычно: девушка в красивом наряде и изящной обуви с маниакальной настойчивостью проби-

рается сквозь сумрачный лес. Прогулка перестала быть томной, когда я все же порвала сарафан и, чертыхнувшись, присела на пенек оценить степень катастрофы.

В расстроенных чувствах я держала в руках оторвавшийся от наряда изумрудный лоскут. Вот ведь идиотка! Что я вообще тут делаю? Сюжет про пушкинскую русалку на ветвях перестал быть таким уж фантастическим. Может статься, что разгадать секрет этой целеустремленной морской девы не так уж и сложно. Скорее всего, в ветвях дуба было что-то важное, что требовалось достать здесь и сейчас, и она, как и я, видела лишь цель, не замечая препятствий.

Решив, что потеря невелика, а отступать поздно, я продолжила путь и через пять минут стояла у искомого объекта. Это был небольшой коттедж, чуть лучше, чем можно увидеть на участках дачников. Всего один этаж с мансардой, но все же не летний домик, а вполне полноценное жилище.

Подойдя к нему, я решительно постучала в дверь. Стоило мне хоть на миг задуматься о том, что, я, собственно, собираюсь сказать мужчине, я бы струсила и ушла. Поэтому, сделала все сразу, выключив голову. Однако, подвиг не был оценен по достоинству. Удача мне не благоволила — на мой стук никто не отреагировал.

— Вот ведь! — воскликнула я, разворачиваясь, чтобы уйти.

— А нечего за мужиками бегать — захотят, сами прибегут, — раздался голос.

Я взвизгнула от испуга и повертелась на месте, пытаясь вычислить, кто со мной разговаривает. Кусты, сосны и раскидистый дуб неподалеку — больше ничего. Под ногами хрустел гравий, которым был посыпан участок вокруг дома. Этот звук добавил мне нервной дрожи в ставшем вдруг очень пугающим темном лесу.

— Кто здесь? — с дрожью проговорила я. Голос немного сел, а потому вышло тихо и не внушающе.

— Что ты вертишься? Голова кругом от тебя! Я тут, смотри внимательно! — продолжил некто, а я совсем растерялась. Голос возникал прямо в моей голове, а потому я не понимала, где находится его источник.

Я все еще продолжала впустую таращиться по сторонам, когда кусты в паре метров от меня зашевелились. Я наблюдала за волнением веток с бешеным стуком в груди. Оттуда выбирался кто-то явно невысокий, что совсем не сочеталось с голосом, который вовсе не был детским. Мой невидимый собеседник растягивал звуки, говорил с ленцой и немного в нос, но при этом я отчетливо слышала взрослого мужчину.

Результатом сотрясения пышного зеленого куста стал кот. Довольно большой, короткошерстный, поджарый и черный. Раза в полтора крупнее обычного кота. Животное явилось передо мной, посмотрело желтыми глазами, которые светились в сумраке, и обошло вокруг меня.

— Что застыла? Котов никогда не видела? — прозвучало в моей голове. Словно усмехаясь, зверь приоткрыл рот, по-

казав довольно длинные клыки, а потом уселся возле моих ног, обвив себя хвостом. Я смотрела на кота, а он на меня, словно ожидая реакции.

— Эт-то ты разговариваешь? — спросила я вслух.

— Я! — прозвучал ответ. При этом ни сам, кот, ни его челюсть даже не шевельнулись.

— Я сошла с ума? — прошептала, после чего все тот же голос не преминул прокомментировать мой вопрос:

— Не могу утверждать. Но тот факт, что на ночь глядя ты потащилась к Ларину домой, говорит о том, что мыслишь ты не особо ясно.

— Ларин — это Данил? — уточнила я, продолжая глазеть на кота.

— Это тебя волнует большего всего сейчас? Даже больше того, что ты разговариваешь с котом?

— А я разговариваю с котом?

— Ты вконец дурная или притворяешься? — животное подняло лапу и провело по ней несколько раз своим длинным розовым языком.

— Ты можешь разговаривать? — я присела на корточки, наклонившись над моим язвительным собеседником, на что тот после небольшой паузы сказал следующее.

— Могу!

— А кто ты?

— Меня зовут Проныра. Я — лесной дух. А ты… я знаю, кто ты.

— Я — Таисия Легкая, — произнесла, хотя меня и не спрашивали.

— Да что-то ты на легкую не тянешь. Тяжело до тебя все доходит.

— А почему ты… почему ты решил со мной побеседовать? — уже ничему не удивляясь, продолжала пытать я Проныру.

— Ты в моем лесу, — уклончиво отозвался котяра.

— Так Ларин — это Данил? — повторила я заданный ранее вопрос и протянула руку, с намерением погладить кота. Животное не стало сопротивляться, напротив, как только я провела по его холке, Проныра закрыл глаза и заурчал.

— Да, вот самое то. М-м-м… Что ты со мной делаешь, я готов тебе все-все рассказать, — растягивая гласные, с мурлыканьем пробормотал прибалдевший кот. — Но… не расскажу. Все тебе знать вредно, а про Ларина… Даниил — сын Марии Федоровны, и ты зря за ним бегаешь.

— Вовсе я не…

— А кто вон себе юбку укоротил, лишь бы мужика обаять? — Проныра открыл свои желтые очи и с укоризной уставился на меня.

— Я случайно. Да и не укоротила я… Сын, ну надо же… — не уверена, что эта информация что-то меняла для меня, а с другой стороны… понравиться маме было бы неплохо.

— И мама тебе тоже не поможет, — фыркнул котище, а я аж икнула.

— Ты мысли, что ли читаешь?

— А то! Со мной тебе произносить слова вообще не обязательно. Ты думаешь — я слышу. Я думаю — ты слышишь. Я ж не могу вслух, у меня морда не позволяет вашу речь человеческую воспроизводить — нету у меня аппарата пригодного. Кот я!

— Ты же дух! Так с чего вдруг ты со мной общаешься, Проныра? — я усилила свою ласку, попытавшись почесать котовью шею.

— Ну надо же, как у тебя хорошо получается, — простонал кот, а я аж руку отдернула. Очень это неприлично прозвучало. — Ты продолжай-продолжай. Мож, я поэтому и общаюсь с тобой. Мож, не чесал давно никто. Тебя, похоже, тоже не чесали, вот и понеслась за первым встречным…

По-своему интерпретировав слова животного, я покраснела.

— Да что вы все заладили, что Данил мне не подходит? Какое ваше дело? — разозлилась я. — Позвоню сегодня бабушке, спрошу у нее, что происходит, и почему меня дух лесной преследует. Неужто я унаследовала ее способности с вами общаться?

— Сама знаешь, не эти ты способности унаследовала, нечего женщину расстраивать, — отрезал Проныра. — А я вышел, так как почуял тебя, дитя сирены. Само море ко мне в дом пожаловало, когда б еще такое случилось! — мне показалось, что на этих словах кот злобно сплюнул, но это не

точно. — Послушал твои мысли и понял, куда дочь моей морской коллеги прет. Не быть тебе с младшим сыном. Не такая судьба у тебя, совсем не такая, — вздохнул дух.

— А какая? — тихо поинтересовалась я.

— Разве ты не знаешь, что принц тебе нужен? — усмехнулось животное. — Но вообще, ты это, аккуратнее что ли. Совсем скоро новолуние, помнишь хоть? Занесло же тебя, бедолагу, — чему-то своему посетовал Проныра, а я машинально опять почесала его между ушами.

— Милая Тая, вы тут? — раздался голос пришедшего за мной с фонариком Ли Вэя. Я вскочила на ноги и застыла, наблюдая, как кот растворяется в воздухе. — Куда вы забрели? Уже стемнело, не стоит гулять по лесу так поздно одной, — сказал мужчина, а я, кивнув, последовала за ним в отель. Он светил перед собой фонарем, так как тоненький серп почти ушедшей луны не давал полноценного света, а мужчина, понятное дело, не обладал моим зрением, которому ночная тьма не была помехой.

Глава 6. О странностях и мужчинах, которых становится все больше

Хороший завтрак не заменит хорошего обеда.
Китайская пословица

Засыпала я в эту ночь очень тяжело. Сказалось напряжение последних суток. Столько событий в один день — это много даже для меня, самой являющейся тем еще событием. Перелет к Черному морю, встреча Даниила, который Данил и по совместительству мужчина, поразивший мое воображение, необычный отель и знакомство с местным духом леса — казалось, что еще могло меня взволновать? Оказалось, очень многое.

Вот, например, картина с русалкой, которую я сама лично сняла со стены. Она могла быть просто совпадением или глупой шуткой, если бы не одно но: когда я зашла после прогулки в номер, акварель вновь, как ни в чем ни бывало, висела над кроватью. Но и это еще не все. Сейчас она выглядела немного не так, как несколько часов назад: кто-то вспорол полотно прямо на изображении русалки, отделяя голову девы от туловища.

Логика говорила о том, что это угроза. Причем, со стороны некоего недоброжелателя, который точно знает, кто я.

*Что ж, допустим. Но в чем суть угрозы? Что я должна сделать?*На ум пришло только одно: уехать. Похоже, я кому-то тут мешаю. Бред! Но какие еще есть варианты?

Я вновь забралась на кровать и сняла картину со стены, внимательно рассмотрев повреждение. Ничего особенного, кроме того, что бумагу резали чем-то очень острым: края разреза были ровные, без шероховатостей и мелких зазубрин. Да уж. Следствие ведет Таисия Легкая. Со вздохом я снова убрала картинку в выдвижной ящик прикроватной тумбочки и занялась подготовкой ко сну. Интересно, утром акварель вновь окажется на стене над моей головой? От такой вероятности по коже пошли мурашки. Одно дело, когда картину возвращают на место в мое отсутствие, и совсем другое, если кто-то будет ходить по кровати, пока я на ней сплю. А, может, ему не требуется топтать мою постель, и он или она — надеюсь, хотя бы не оно — умеет летать?

Проворочавшись в мучительных размышлениях час, я позвонила бабушке. Прослушав вместо гудков несколько раз припев старой песенки "Дельфин и русалка", я наконец-то дождалась, когда шаманка ответит. Чувство юмора у Лидии Ивановны было то еще — не каждый поймет. Эту мелодию она на вызов выставила недавно, а еще пару дней назад я наслаждалась припевом одной из песен известного певца под псевдонимом "Шаман" — каждый звонивший моей бабуле мог впечатлиться, что он русский, хотя по ее задумке, так оригинально обыгрывалась именно ее профессия.

— Ба, здравствуй. Не спишь еще? — спросила я.

— Я никогда не сплю. Иногда ухожу в мир духов, и тогда тело отдыхает, — ответила она, а я с ухмылкой вспомнила, как сладко сопит и даже храпит всю ночь, пуская слюну, Лидия Ивановна. Однако, спорить не стала. Злить шаманку себе дороже. — Что ты хотела, милая? Вроде бы, еще рано для начала проблем.

— Да, похоже, самое время, — начала я, после чего поведала о появляющейся на стене картине и знакомстве с лесным духом. Про Данила рассказывать не стала, не хватало услышать в очередной раз, что он мне не пара.

В ответ на мой рассказ последовала очень выразительная тишина, которую чуть позже разбавили шорох, шипение, сдавленные ругательства и наконец бабушкин голос:

— Не нравится мне это, — поразила своей проницательностью шаманка. — Я по десять часов духов вызываю: левая рука устает бубен держать, а правая — стучать. При этом беспрестанно дурман-траву в костер кидаю, да песни специальные пою, чтобы хоть один самый лояльный бестелесный засранец, да простят меня предки, заговорил, а ведь мои духи уже давно меня знают — прикормлены моим даром. А тут…Чтобы сам дух леса… Ему что-то надо от тебя, Тая, так что будь аккуратна и никогда ничего не обещай. Слышишь? Никому. Даже тем, кто кажутся вполне заурядными… А по поводу картины… Ты права, это угроза или предупреждение. Тебя хотят напугать, чтобы выгнать. Да только не обра-

щай внимания. Там твоя судьба, милая, там, на черной воде. И не стоит бежать… Так духи сказали…

На этом мы закончили разговор с бабушкой, потому как она выказала срочное желание бежать к своему сейду советоваться с предками по поводу того, что мне делать с угрозами. Но я и так поняла, что их нужно просто игнорировать. Не сказать, чтобы разговор успокоил, но утомил — так точно, а потому я все же уснула, хоть и беспокойным сном.

В моих хаотичных сновидениях я наблюдала сплошь морды улыбающихся котов и оторванные рыбьи хвосты. А еще серые глаза, время от времени загорающиеся глубоководным холодом. Я упорно пыталась рассмотреть, как выглядит лицо их владельца, надеясь узреть рыжеватую челку. Однако видение ускользало, так и не явив мне физиономию Ларина и оставив меня в неведении: кто тревожил мою самую суть, вызывая ледяную рябь на коже и стойкое ощущение, что она вот-вот покроется чешуей.

Утром я спустилась на завтрак вовремя: собранная и готовая трудиться на благо “Мегастроя”. Проснувшись, я первым делом посмотрела на стену и вздохнула с облегчением. Расследование показало, что моя акварель осталась там, куда, я ее положила — никакой злодей за время моего сна не топтал мою постель. Это успокоило и позволило сосредоточиться на главном.

Сегодня самый сложный день: первая встреча с мэром и поездка на место будущей стройки. В каждом из этих мero-

приятий я играла важную роль, так как должна была все четко и по существу донести до наших китайских партнеров. Так что я выкинула из головы духов, русалок и шаманов заодно, а вместо этого взяла с собой блокнот, ручку и дежурное выражение лица под названием “деловая девушка”.

Завтрак проходил все в той же камерной атмосфере с флером русской классики и чавканьем китайских коллег. Изящные фарфоровые чашки, ароматный чай, стопки блинов, залитых медом, крендели и пироги — это был карнавал сдобного теста и сытных начинок.

Китайцы уважили угощения от души. После того, как они поднялись со своих мест я разглядела в них только одно желание: отдохнуть, переваривая столь насыщенный завтрак — работоспособности не наблюдалось от слова совсем.

И только Коростылева, которая совершенно ничего не ела, блюдя фигуру, а потому не разделяла леность своей компании, вскочила и начала бодро прикрикивать на окружающих.

— Господа, автобус уже стоит возле отеля. Все выходим и садимся. Время поджимает! — Наталья Николаевна как пастух гнала своим голосом всех на выход, а я стояла рядом и переводила, хотя для большинства это даже не требовалось — все и так было понятно. Последний шел Ли Вэй, он притормозил возле меня, по обыкновению втянул носом воздух где-то возле моего уха и промолвил:

— Ах, как вкусно! Сегодня ты пахнешь луной, словно са-

ма Чанъэ явилась моему взору. Это место идет тебе на пользу, особенно вечерние прогулки, моя милая Таисия.

— Господин Ли Вэй, проходите в автобус, — рявкнула наша царица, услышав запрещенный комплимент. Запрещенный — потому что не ей. А сама на всякий случай тоже понюхала воздух рядом со мной. Уверена — пыталась определить парфюм, который так высоко оценил наш китаец.

Мы расселись в транспорте. За рулем был вчерашний водитель, которого Данил называл Михалычем. Двигатель заурчал, мы почти двинулись, но за секунду до отправления двери автобуса распахнулись, и в салон влетел объект моих романтических мечтаний. В похожей на вчерашнюю цветастой рубахе, лохматый и белозубый — Даня за секунду сбил меня с рабочего настроя, окутав своей невероятной энергетикой и заставив терпящее бедствие сердце отстукивать на авторской версии азбуки Морзе: "мой-мой-мой-ты-только-мой".

Мужчина, не забыв мне подмигнуть, плюхнулся рядом с Коростылевой на свободное сидение прямо передо мной, а я готова была расплакаться, оттого, что рядом со мной место с самого начала было занято: Ли Вэй прилип — не оторвешь. Когда блондинистая вихрастая голова откинулась на спинку, я подалась вперед и вдохнула мужской аромат — совсем как давеча мой прилипчивый китаец. Даня пах солнцем, разгоряченной и жаждущей дождя листвой, раскаленным песком и страстью — жгучей, не оставляющей после себя ничего и

никого живого. На секунду я даже задохнулась, словно попала в песчаную бурю.

— Это не ваш мужчина, я же не раз вам уже говорил. Он иссушит вас, милая… Вы потратите всю свою энергию в попытке его затушить, чтобы прикоснуться… Не ваш… — на китайском и шепотом произнес Ли Вэй. А я повернулась и молча посмотрела в его затягивающие своей бездонной чернотой глаза.

— А кто мой? Вы? — вдруг спросила я. Словно черт за язык дернул. Ли подался ко мне, а на его лице промелькнула хищная улыбка, ранее мной ни разу не замеченная. Он и так может?

— Моя милая Таисия, я бы хотел… Такая экзотика… — прошипел мужчина. Черты его лица при этом заострились, глаза полыхнуло желтым, и на секунду его лицо превратилось в страшную маску. Я обомлела, но в это время к нам повернулся Данил, и я напрочь забыла о китайце. Ларин с лукавой улыбкой сказал:

— Рыжик, а что это наш полководец не в духе? Я, между прочим, подвизался к вам в гиды. Совершенно на безвозмездной основе. Мэрия одобрила мою кандидатуру. И теперь я не дам сгинуть вам в Жемчужном!

Весь автобус услышал фырканье Коростылевой, а я в мгновенье ока превратилась в безвольную, туповатую куклу, которая могла лишь улыбаться.

— Это… здорово, — выскочил из меня “искрометный”

ответ. Слава предкам, хоть не захихикала глупо, словно скромная пансионерка, видевшая мужчину только на картинках учебников по истории.

А тем временем мы въезжали в город. Чистенький южный городок с обилием зелени и парковых зон приветствовал нас своим уютом. Высотных домов не было ни одного, в основном пятиэтажки, но чаще — двух- и трехэтажные дома, а также обширные частные зоны. Градообразующими отраслями были туризм и санатории, что накладывало отпечаток на образ города: никто никуда не спешил и внешне все наслаждались жизнью, передвигаясь в утренней жаре как сонные мухи.

Мэрия, само собой, располагалась в самом центре, это было здание сталинской постройки. Отремонтированное и облагороженное, оно выглядело достаточно внушительно, но как и все в городе — доброжелательно. Вокруг него было множество ухоженных клумб, перед главными дверями висело изображение герба города, который неожиданно поражал. Это была жемчужная раковина на фоне морской волны. Насколько я помню, Черное море не является источником добычи жемчуга. По крайней мере, драгоценных разновидностей тут точно нет. Надо при случае узнать, в чем смысл герба, а заодно и названия города — уж очень любопытно.

Возле двери мэрии нас встретила милая белокурая девушка, которая представилась как Алена, секретарь Александра Михайловича. Мы прибыли немного загодя: до назначенно-

го часа оставалось десять минут, поэтому нас всех провели в большую приемную перед дубовыми дверями кабинета Штайнера и предложили чай или кофе на выбор. Большинство отказалось — мы переваривали плотный завтрак. Только Наталья Николаевна попросила себе капучино на кокосовом молоке с сиропом топинамбура. Уверена, она хотела показать Алене, что она столичная дива, а тут — провинция, где, увы и ах, подобного не найти. Но каково же было ее, да и мое, удивление, когда Алена, не дрогнув, бросила: "Одну минуту" и через некоторое время принесла заказ нашей примадонны, исполненный в точности, как он и прозвучал.

Я мысленно аплодировала. Хоть кто-то отомстил ей за моего Даню, щелкнув по носу. Ларин, к слову, тоже зашел в мэрию, но по пути потерялся, завернув куда-то "по делам".

Мы все ожидали начала приема, утонув в роскошных кожаных креслах и диванах. Отделка, мебель и вообще весь интерьер был великолепен — хозяин города не поскупился и хорошо потряс городской бюджет на оформление своего "дворца". В результате все выглядело царственно и на века: никакой пластиковой мебели, только дерево, но в современном дизайне — дорого-богато и со вкусом.

Ровно в девять часов Алена, чей стол по классике стоял неподалеку от входа в кабинет мэра, получила неслышимый нам сигнал, встала и сообщила, что Александр Михайлович ожидает. Она открыла дверь, впуская нас к Штайнеру. Коростылева и Ли Вэй зашли первыми, затем потянулись осталь-

ные китайцы и я среди них.

Как только я вступила внутрь помещения, то сразу узнала картинку с экрана, а также мужчину с золотым паркером. Невольно затормозив, я уставилась на мэра, который вживую оказался не менее внушительным, чем помещение, в котором он обитал. Мужчина привстал со своего места и произнес уже знакомым низким голосом:

— Прошу вас, располагайтесь, господа... — он показал рукой на овальный стол, вокруг которого поставили нужное количество мягких стульев, — и дамы, — добавил он. Я уловила в его голосе язвительность и предположила, что перед нами типичный сексист, не признающий женщин у руля. В этой ситуации я поставила на Коростылеву. Она должна справиться, приручив этого хомосапиенса. Наша царица не раз сумела доказать мужчинам, что она более чем компетентна в своей сфере, сбив с них спесь.

Мы расселись, как и было предложено. Кабинет мэра был огромен, поэтому мы не ощутили тесноты — было комфортно. Я расположилась между Натальей Николаевной и Ли Вэем — нашими главарями.

— Как долетели? — спросил Штайнер. Я громко перевела фразу, ожидая, когда мэр продолжит. А он как будто в эту секунду впервые меня увидел и теперь завис, замерев на мне взглядом. Возникла неловкая пауза, во время которой все мы наблюдали за очень необычным зрелищем: Александр Михайлович Штайнер пальцами одной руки сгибал зо-

лотой паркер пополам. При этом смотрел он исключительно на меня. Это создавало пугающее ощущение того, что мысленно он ломает мне шею.

Я поежилась, размышляя, как прекратить это безобразие. Единственное, что пришло мне в голову, это упасть в обморок. А что? Это вполне может привести мэра в чувство, тем более, что мне действительно страшно — у Штайнера аура и взгляд как у демона ада.

Дорогая ручка успела превратиться в непригодную загогулину, а мужчина продолжал сплющивать ее пальцами в лепешку, вызывая искренний ужас у всех присутствующих — это ж какая силища! Благо, в кабинет вошла Алена – наш ангел, на подносе которой стояли прохладительные напитки. Ее приход спас ситуацию: мэр вздрогнул, посмотрел на дело руки своей, откинул сломанную роскошь в сторону, и как ни в чем ни бывало, продолжил беседу.

Глава 7. О споре, в котором истина так и не родилась

Сонм царств — средь четырех морей… Как терпит небо их раздор? Ведь мелки пчелы, муравьи! Отколь их сила и напор?

Цой Юань

Беседа в кабинете мэра города Жемчужный длилась уже час. Мы почти успели забыть инцидент со сломанным паркером, погрузившись в решение текущих задач. Однако нам об этом вновь напомнили, когда мэру внезапно потребовалась ручка, чтобы записать кое-какую информацию. Он нахмурился, с пренебрежением глянул на торчащий из мраморной подставки простой карандаш, а потом нажал на кнопку стационарного телефонного аппарата, вызывая Алену. Оно и понятно: не царское это дело — использовать простые письменные принадлежности.

На реплику начальника: “Почему на столе нет ни одной ручки?”, произнесенную раздраженным тоном, Алена отреагировала спокойно и в высшей степени профессионально — похоже, к причудам своего шефа девушка привыкла. Она открыла дверцу большого офисного шкафа из красного дерева, закрывающего всю левую стену кабинета, и достала бархатную черную коробочку, которую и протянула Штайнеру.

Глядя, как в могучие руки Александра Михайловича из недр красивой упаковки попадает клон предыдущего золотого паркера, я запнулась и потеряла мысль. В это время я как раз переводила речь Ли Вэя, который рассказывал о том, что множество китайских туристов готовы приехать на Черное море в наш будущий курортный отель, и как это поднимет экономику города, оживив туристический сектор.

Ли Вэй сделал паузу, а мэр открыл блокнот и начал что-то записывать, в то время как я представляла, как идут закупки канцелярии для офиса Штайнера: вместо открытия нового садика или школы в город привозят ящики с золотыми ручками, ибо расход у мэра от двух и более паркеров в сутки. Наблюдая, как мужчина твердым, размашистым почерком записывает что-то в роскошном органайзере с кожаным переплетом, я зависла, а мэр, не дождавшись продолжения моего спича, замер и поднял глаза.

У этого человека очень тяжелый взгляд: он всего лишь посмотрел, а мне словно плиту бетонную на грудь уронили. Уверена, на моем месте любого бы проняло: мужчина сверлил меня взглядом исподлобья с дружелюбием серийного убийцы. Впрочем, может статься, что я зря на него наговариваю и он в, целом-то, милейшая личность: любит котят и щенков, просто по несчастью планирует мое убийство — чем-то не угодила. Удивительно, как экран монитора облегчал взаимодействие с этим типом — в офисе “Мегастроя” я не ощущала и половины того, что сейчас надвигалось ко мне

от ауры Штайнера.

— Вы забыли слова? Не можете перевести эту фразу? Мне самому догадаться? Сделать за вас вашу работу? — прогремел Александр Михайлович, а я вздрогнула, сообразив, что зависла и не русифицировала для мэра последнюю часть выступления моего китайца. Открыла рот, чтобы продолжить, но меня опередил Ли Вэй, который обратился к Штайнеру на английском.

— Таисия — прекрасный специалист. Просто она тонко чувствует как несвоевременный шторм, так и затяжной штиль, уважаемый мэр, — пропел мужчина, знаний русского языка которого хватило, чтобы понять суть претензии Штайнера.

— А вы записались в ее защитники? Позвольте мне самому судить о компетентности этой… женщины, — поддержал беседу на прекрасном британском мэр.

— Похоже, что по каким-то причинам вы не способны быть беспристрастным, — с усмешкой парировал Ли Вэй.

Вспомнив, что это моя обязанность, я перевела пикировку на русский язык для Натальи и на китайский для китайцев, так как английский знали не все. Но это не особо помогло: никто, в том числе я, не понимал, что происходит. К обсуждению проекта пока не возвращались, а дуэль тем временем зашла на новый виток.

Слова Ли Вэя о предвзятости чем-то настолько задели мэра, что он поднялся со своего места. Я, да и, похоже, все

остальные, с трепетом уставились на мужчину, только сейчас осознав, насколько он высокий и крупный. Александр Михайлович вышел из-за своего стола и, приблизившись к нашему, остановился напротив китайца. Похоже, он решил раз и навсегда избавится от назойливого критикана. Нет, не побить, конечно, но подавить физически, деморализовав противника массой, что было несложно: когда мужчины встали рядом, на ум пришло только крыловское "Слон и Моська". От габаритов Штайнера дух захватывало, а Ли Вэй с его весьма значительным для азиата ростом, все же категорически проигрывал этому великану, что, впрочем, не лишало привлекательности его гибкую грациозность.

— Я способен на многое. Даже на то, о чем вы и понятия не имеете, — нависая над азиатом, процедил мэр. Надо отдать должное Ли, он нисколько не смутился. Все так же насмешливо, ничуть не теряя задора на лице и провокационного куража в тоне, он сказал:

— Многое — еще не все, господин мэр, вы…

На этом месте не выдержала Коростылева.

— Господа, я думаю, что сейчас не наш переводчик, а именно вы ведете себя непрофессионально. По плану у нас поездка на объект, если помните. Давайте следовать графику!

Я перевела, хотя всезнающий Ли Вэй и без этого в очередной раз понял русскую речь. Остальные китайцы словно массовка за кадром ситкома, обеспечивающая нужное настрое-

ние, зашумели в недоумении — в кабинете стало неспокойно. Александр Михайлович посмотрел на Наталью как на букашку, которая смела заговорить, а затем остановил свой взгляд на мне, опять подарив невероятное ощущение удара под дых. Страшно — угробит, не заметит.

Пришло в голову, что мэр — спортсмен. Ну есть же прецеденты, когда безмозглые, но сильные приходят во власть? Возможно, он популярен за счет своих побед на ринге? Боксер в тяжелом весе? Борец? Тяж? А на английском говорит как бог... Не сходится!

Я оглядела мужчину более внимательным взглядом, прикидывая, на каком виде спорта растят таких гренадеров. Мэр видел, что я спускаюсь взглядом по его фигуре, и, кажется, немного приосанился, став еще мощнее и внушительнее. А я тем временем нашла максимально интересный объект для изучения: уставилась на его ноги. Точнее, туфли. Обувь была дорогая, но главное: изготовлена из змеиной кожи, что очень контрастировало с классическим деловым костюмом темно-серого цвета, в который Штайнер был облачен выше лодыжек. Глядя на бежевую с чешуйчатым принтом обувь размером с космические корабли, я со всей возможной ясностью представила, как на каждую туфлю изготовители потратили кожу целого питона. При этом не удивилась бы, узнав, что сдирал ее своими руками наш жемчужинский Голиаф.

Очередную паузу вспорол смешок Штайнера, причём, неожиданно не в мою сторону. Александр Михайлович все

ещё обращался к Ли Вэю, который тоже зафиксировал взгляд на обуви мэра.

— Может, многое — это не все, но, как видите, с хладнокровными гадами я справляюсь неплохо, — с каким-то скрытым подтекстом бросил мужчина, а мы с Коростылевой переглянулись в ужасе, осознав, что наш проект стремительно вылетает в трубу.

— Вы же отдаете себе отчет, что сейчас не только меня в этом помещении оскорбили, да? А вот этого гада очень жаль: для ваших лап убили австралийского питона Рамсея… Бедняга, умер только для того, чтобы вы выглядели дорого, — махнул рукой китаец на ботинки мэра.

— Это был ваш лучший друг? Тогда простите, — съязвил Штайнер.

— Неуч! Это не имя одной особи, а название вида! — хохотнул неуемный Ли Вэй.

— Я разве просил предоставить мне данные по всем гадам? Кажется, мы очертили список тех, кто мне не по душе, и в нем только присутствующие, — не остался в долгу мэр.

Это была полная катастрофа. Что нашло на этих спорщиков, одним духам известно. Что я знаю точно: их надо мирить. Не видать нам разрешения на строительство, не видать нам китайских инвестиций, если они не успокоятся. Что вообще происходит?

Я не стала переводить часть про змей и друзей. Вместо этого, вскочив с места, обратилась к обоим мужчинам на ан-

глийском — почтительно, но твердо:

— Господа, ваша беседа, несомненно, очень важна, но предлагаю перенести ее на вечер. Если вы помните, у нас запланирован ужин, где вы сможете в неформальной обстановке обсудить… что вы там обсуждали. А пока предлагаю вернуться в русло нашей беседы об отеле и этапах его строительства!

На мою тираду отреагировали оба. Две пары глаз — черные и серые — зыркнули в мою сторону, после чего мужчины синхронно сделали шаг по направлению ко мне. Ощутив угрозу, я подняла в защитном жесте свой блокнот. Спорщики замолчали на несколько секунд, а потом, не сговариваясь, произнесли одновременно:

— Какого черта мы ещё не едем на объект, там уже журналисты ждут! — грозный рык мэра.

— Как очаровательно вы нас поставили на место, милая Тая! — мелодичный комплимент Ли Вэя.

Финальным аккордом стал раздраженный фырк Натальи Николаевны.

В эту секунду словно по волшебству в кабинет зашла Алена. Девушка сообщила, что машина Александра Михайловича, как и наш автобус ждут своих пассажиров, чтобы ехать к морю на то место, которое совсем скоро превратится в стройплощадку. Китайцы выдохнули с облегчением и потянулись на выход, а меня поймала за локоть Коростылева.

— Легкая! Делай что хочешь, но проект мы просрать не

имеем права. Поняла? Они собачатся, потому что Ли Вэй тебя защищает. Ты спишь с ним?

— Нет, я…

— Так вот, спи! В лобик его целуй, колыбельную пой, да хоть что, но успокой его. Я попробую взять на себя Штайнера, но, похоже, этот тот ещё сатрап, да еще сексист. Будем брать профессионализмом, статистикой и профитами. Чуть что, отвлекай китайца, Тая, поняла?

Конец света! Наталья Николаевна назвала меня без -чка! Я кивнула, а она одернула жакет своего дивного кремового брючного костюма и бросила напоследок:

— Ничего, Тая, ничего. Прорвемся! И не таких самодуров ломали. Еще бы понять смысл их спора. Ересь какая-то, честно слово.

Мы спешно спустились вниз. Перед мэрией стоял наш транспорт, а также внедорожник, возле которого скучал водитель — мужчина лет пятидесяти, который, увидев Александра Михайловича, вытянулся в струнку и ждал его приближения. Штайнер двинул к авто, китайцы лихо заскочили в автобус, громко обсуждая спор мужчин. Кое-кто задавал вопросы Ли Вэю, который задержался возле меня; тот отшучивался, но в целом атмосфера разрядилась, и дышать стало легче.

На улице оставались мы с Натальей, моим китайцем и Штайнером, который пока не сел в машину, а общался с кем-то по сотовому в сторонке.

— Братиша! Родной! Как ты? — раздался возглас Данила, который вдруг вырулил из-за торца здания мэрии и бодрой походкой направился к нам. При движении полы его цветастой рубашки расходились, открывая прокачанный пресс, на котором залипла не только я — сама Наталья Николаевна бросала короткие взгляды, любуясь.

Штайнер закончил разговор по телефону и повернулся в сторону Ларина.

— Даня? Что ты тут делаешь? Ты же был в Питере? — удивился он. При этом говорил этот громила совершенно нормальным человеческим голосом, без рычания или иных звериных звуков. — Почему не предупредил?

Мужчины приблизились, пожали друг другу руки и даже обнялись. Штайнер был выше и крупнее, но Даня все же представлял ему достойную конкуренцию в мускульно-массовой борьбе.

— Ты же знаешь, Сань, я сам часто понятия не имею, где буду через час, так что предупреждать — это не мое.

Саня? Да ладно! Кто тут Саня? Вот это чудовище? Все равно что назвать Кинг Конга Зюзиком. И все же сейчас мы видели немного другого мэра — его черты лица смягчились, сделав из него почти человека.

— А ты ко мне? Я пока немного занят…

— Да я тоже, немного. Изумрудовских вот курирую — наших гостей, чтобы не потерялись и не сгинули, — повернулся он в нашу с Натальей сторону и подмигнул. Я покраснела

до ушей — реакцию Коростылевой не видела, но и фырканья не расслышала. Похоже, моя начальница обрадовалась Дане как родному: коль он способен повлиять на Штайнера, то Коростылева его автоматически записала в друзья.

Мэр тоже повернулся в нашу сторону, и с прищуром уставился на мое лицо. Я чувствовала его взгляд, но сама смотрела на Ларина — зачем мне этот некрасивый мужчина, когда мне хочется любоваться красивым. Слева ко мне наклонился Ли Вэй и прошептал:

— Милая Тая, еще раз напоминаю, младший брат — точно не ваш!

Это он что, мне старшего сватает??

— А к старшему вообще лучше не подходить! — добавил азиат.

Мне показалось, что Штайнер что-то расслышал. Так или иначе, мэр поджал губы на несколько секунд, а потом выдал:

— Я подумал, что в машине удобнее ехать всем руководителям проекта… и переводчику. Так что господин Ли Вэй и… женщины, вы можете присоединиться ко мне в джипе. А Даня… Даниил справится с оставшимися в автобусе гостями сам.

Я хотела возразить, что Ларин не знает китайского, так что коммуникация будет осложнена, но сам блондин, усмехнувшись, кивнул и выдал:

— Сань, а я, кажется, не зря приехал, да?

Глава 8. О холоде, жаре и экологии

Если вы способны провести совершенно бесполезный день совершенно бесполезным образом — вы научились жить

Линь Юйтан

Я сидела в машине, глядя на бегущую перед взором дорогу. Все молчали, неуютная тишина звенела в ушах, вызывая дискомфорт.

— Александр Михайлович, может, музыку включить? — раздался голос водителя.

— Если только что-то из классики, — возглас эстетствующей Натальи Николаевны.

— Да, люблю русскую попсу, — восторженное согласие на английском Ли Вэя.

— Нет, только грохота еще не хватало, — рычание Штайнера.

Все три ответа прозвучали одновременно, а меня так и подмывало завершить этот спонтанный всплеск общительности чем-то, вроде: “А включи-ка ты, отец, нашу, про лагеря”. Разумеется, вслух я этого не сказала, так как на самом деле радио “Шансон” не значилось у меня в списке любимых. И все же в джипе мэра я чувствовала себя почти как герои этих песен — в неволе по несправедливости и с желанием вырваться на свободу любой ценой. Водитель, само собой,

послушал своего непосредственного начальника, и мы продолжили свой путь без музыкального сопровождения.

Проблемы со взаимодействием у нашего скромного коллектива начались почти сразу после того, как Александр Михайлович решил везти нас на своем автотранспорте, громогласно сообщив об этом на всю округу. Когда мы подошли к машине, мэр загрустил. Видимо, только в этот момент он понял, что нас четверо, и с комфортом устроиться не получится. Можно было изгнать водителя, но не сидеть же за рулем самому городскому главе — это же моветон и нарушение протокола.

Джип был большой и вмещал всех. Вопрос заключался в личной дистанции и комфорте: рассадка троих на заднем сидении напоминала такси в студенческие годы или дешевый боевик о похищении, но, похоже, мэр не привык отступать и тем более признавать ошибки. В итоге засунутой на заднее сидение между "похитителями" оказалась я. А виноват в этом Ли Вэй. Этот китайский лис вообще постоянно наводил смуту. Пока никто толком не разобрался, он очень резво, опередив всех, открыл переднюю дверь и предложил Коростылевой место возле водителя. Та с радостью согласилась, и мужчина с пиететом придержал ее за руку, помогая взобраться во внедорожник. Решив дилемму рассадки за всех одним махом, китаец открыл дверь и для меня — мне ничего не оставалось, как забраться на заднее сидение. Сам Ли Вэй начал устраиваться рядом, а Штайнер залез в машину через

другую дверь. Через минуту я была размещена между двумя мужчинами в весьма тесном контакте — не так, чтобы в обнимку, но гораздо ближе, чем планировала. Вслух никто не жаловался, Ли Вэй так вообще выглядел как обожравшийся сметаны кот, а мэр сурово безмолвствовал. Видно — не одобрял, громко думал, но вслух не высказывался.

— Александр Михайлович! Хотела бы сказать, что очень благодарна вам за то, что вы согласились сотрудничать с нами. Это будет грандиозный проект… — начала Наталья Николаевна, повернувшись к мэру, который сидел позади водителя.

— Будет, — немногословно кивнул головой мужчина и зачем-то полез в карман пиджака на груди. Его правый локоть очень неудачно оттопырился и проскочил возле моей головы, задев ее по касательной. Я ойкнула, мэр чертыхнулся и повернулся в мою сторону, чтобы оценить степень ущерба. Я автоматически отпрянула, так как организм решил, что меня собираются-таки добить. Для своего маневра я выбрала момент резкого поворота машины, а потому, ведомая инерцией, начала заваливаться на Ли Вэя, которого атаковала не только я: Штайнера качнуло в ту же сторону.

Чисто автоматически я выставила руку и схватила мэра за воротник пиджака — то ли защищаясь от его веса, то ли в попытке не задавить китайца. Ли в это время попытался удержать меня, но не сдюжил, и теперь на нем лежало двое. В стремлении всех распутать я барахталась под тушей Штай-

нера. Мэр начал подниматься, хватаясь за подголовники сидений, а я воспользовалась этим и, уцепившись за спасительный воротник уже обеими руками, на прицепе приняла вертикальное положение.

— Простите, я не хотел вас ударить, — буркнул Александр Михайлович, недовольно зыркая и пытаясь оторвать меня от себя. — Может, вы все же отпустите меня? — добавил он, а я осознала, что продолжаю хватать мужчину за грудки, словно он мне денег должен.

— Прошу прощения, — выдавила я, разжав пальцы и мысленно приказав себе собраться. Моя заминка возникла не на пустом месте, она была связана с глазами моего оппонента и температурным фоном его тела. Дело в том, что во время наших общих с мэром кульбитов я успела взглянуть в его очи. И что я там увидела? Море! Нет, не море чувств, а именно море! Я клянусь — серые радужки Штайнера заволокло штормом! Я видела набегающие волны и пену... При этом мужчина и сам ощущался как глубоководное нечто, утягивающее меня в свою непроглядную тьму...

— Милая Тая, если вам неудобно сидеть между нами, я могу предложить свои колени, — послышалось голос справа, прервав процесс моего оцепенения и размышлений.

Устало вздохнув, я открыла рот, чтобы достойно возразить Ли Вэю, но, само собой, подача попала в цель и ею была не я. Принял ее Штайнер.

— Хм-м. Интересные у вас отношения. Ну теперь понят-

но, как ваша компания получает заказы, Таисия Ивановна, — с металлом в голосе прокомментировал Александр Михайлович.

— Это не моя компания, — только и нашлась, что ответить. В возмущении я открывала и закрывала рот, ненавидя в этот момент китайца, так как из-за него на меня посыпались такие несправедливые обвинения.

— Это моя... наша фирма, и могу вас уверить, что заказы мы получаем исключительно благодаря своей репутации и качеству строительства. Надеюсь, у вас найдутся слова извинения, когда мы продемонстрируем свой профессионализм и построим лучший отель на черноморском побережье, — возмутилась Коростылева. Мэр покусился на ее главное детище — "Мегастрой", задев ее гордость. Больше денег, славы и даже Павла Геннадиевича наша заместитель любила эту компанию, которой вместе с нашим директором они руководили уже без малого семь лет. И горе тому, кто смел обижать нашу стройфирму — Наталья Николаевна не прощала. Тем более, что в своем сегменте мы действительно славились честностью, добросовестностью и ответственностью.

— Хорошо, если так, — снизошел до ответа Штайнер, а Ли Вэй фыркнул и наклонился ко мне, втянув по обыкновению воздух рядом с моим лицом.

— Сказка, — прошептал он, а я отпрянула влево, ударившись плечом о мэра.

— Ли Вэй, прекратите, — зашипела я, потирая морозный

ушиб. Из льда этот Штайнер сделан, что ли? А через секунду произошло немыслимое. Огромные ручищи сгребли меня в кучу, приподняли и посадили на колени. И руки, и колени принадлежали мэру! Это непотребство продолжалось недолго — туша Штайнера пришла в движение вместе со мной. Мужчина передвинулся на середину сидения — его бедра очень активно двигались под моей пятой точкой, а затем он довольно грубо сгрузил меня слева от себя возле окна.

— Ну вот, из сказки в реальность, — хохотнул Александр Михайлович, и все как-то разом притихли, включая китайца. Я украдкой косилась на профиль мэра, понимая, что уже упустила возможность возмутиться. За те секунды, что побывала в его объятиях, я успела ощутить такую энергетическую мощь, что у меня даже волоски на руках встали дыбом. В ушах зазвенело, дыхание сперло и не спешило восстанавливаться. Я словно тонула, но выплыла и сейчас приходила в себя на берегу. Ощущение было слишком интенсивным, почти на грани. Я попыталась отодвинуться от Штайнера, но с этим ничего не вышло, так как у мэра были свои планы: в стремлении дистанцироваться от китайца он тесно вжимал меня в дверь машины.

Эксцентричность Штайнера не знала границ — поступок был из ряда вон, что заставляло задуматься о его характере. Такого от него никто не ожидал, однако комментировать, как ни странно, его действия не стали — даже Ли Вэй, наоборот, неожиданно замолк и как будто потерял ко всему интерес.

Китаец закрыл глаза и погрузился в дрему — я видела, так как пыталась вытянуть шею, чтобы с укоризной глянуть в бесстыжие раскосые глаза.

Шок после объятий мэра прошёл, но охлаждающий эффект его тела никуда не делся: Александр Михайлович притерся ко мне и бедром, и боком, и это тревожило. Меня закутывало в уютный зимний кокон. Ощущение было хорошим — я любила прохладу, а скоро моя кожа будет требовать ее как никогда, так что сейчас тесное соседство с этим "прохладительным" мужчиной воспринималось как прогулка по морским глубинам. Что ж, бороться с приятным не в моих правилах! Не имея возможности как-то поменять положение тела, я тоже расслабилась и, откинувшись на подголовник, закрыла глаза.

Оставшиеся пятнадцать минут мы впятером слушали радио, которое задетая за живое Коростылева все же включила — лично, своими руками. Классику она не нашла, но оставила услаждать наш слух русской народной музыкой — видимо, решив, что китайцу будет полезно, Штайнеру нужно мстить любыми доступными способами, а на меня — плевать. В результате в небольшой лесок на побережье, где планировался наш отель, мы въезжали под проникновенное "Во поле березка стояла", а джип мы покидали в режиме эвакуационной спешки.

Автобус с китайцами подъехал через минуту после нас. Азиаты выходили довольные — похоже, Даня сумел их раз-

влечь. Кроме нас, в лесу находилось еще несколько человек.

— Это экологи и наш специалист. Он будет показывать нам точную территорию расположения отеля, — прокомментировал Штайнер. Я перевела его слова Ли Вэю и остальным азиатам, которые собрались в полукруг перед нами.

— А экологи что тут делают? — нахмурилась Коростылева.

— Как что? Бдят! — присоединился к нам Данил. — Тут растет редкий кустарник, не помню его название. Они будут контролировать, чтобы ничего не погибло, а было пересажено.

Я посмотрела на Даню и почувствовала, как всю морозную ауру Штайнера, который отошел принять звонок на сотовый, снесло под напором солнечной теплоты его брата. Мы стояли в тени деревьев, возле моря было на удивление свежо, но щеки мои горели так, словно я попала в жерло вулкана. Кажется, Тая тает. Этот каламбур засел в голове, перерождаясь в душе во что-то свербящее и не очень хорошее.

— Жарко? — со значением поинтересовался Ли Вэй. Знающие английский, поняли бы, насколько двусмысленно прозвучал его вопрос. Словно он спрашивал, не возбуждена ли. Я покрутила головой, не разбираясь, что имел ввиду этот провокатор. Я от него жутко устала, и вообще, нервы шалили — больше всего я хотела, чтобы этот день закончился. Но на это рассчитывать особо не приходилось — вечером нас ожидал фуршет на яхте.

Тем временем специалист от города показывал нам на снимках со спутника разметку территории для строительства, сопоставляя ее с реальными точками на земле и тыкая руками во все стороны. Я переводила и его, и вопросы китайцев, полностью сосредоточившись на этом процессе. Штайнер тоже участвовал в обсуждении. От меня мужчина держался на расстоянии, а я в один из особо сложных в плане перевода моментов вдруг почувствовала желание подойти и прижаться к его телу, чтобы охладить разгоряченную от напряжения кожу. Испугавшись своих желаний, я попыталась настроиться на свой переводческий дзен, а когда мы всем табуном спустились на пляж и приблизились к воде, поняла, что больше меня все же тянет в море, а не тереться о незнакомых мужчин. Похоже, Штайнер, как и Даня не виноваты в моих температурных загонах — меня начинала мучить ежегодная привычная жажда, просто в этот раз все началось раньше и было гораздо интенсивнее, чем обычно.

Наша группа прогулялась по побережью, а я, не выдержав, сняла босоножки, вступив на сырой песок и ловя морскую благодать через ступни — полностью в воду мне лезть было опасно, но сегодня я ещё могла недолго себе позволить помочить ноги и при свидетелях.

Китайцы с оживлением последовали за мной, как и Даня, который с легкостью залез по колено, намочив джинсы, но ничуть по этому поводу не беспокоясь. Не полезли в воду только мэр и Коростылева, которая в отличие от меня, на-

девшей брючный костюм и босоножки на голые ноги, была в юбке и капроновых колготках. Почему не снял свои питоновые агрегаты с ног Штайнер, не известно. Однако на воду он смотрел как на врага народа, поджав губы и нахмурив брови. Я подавила в себе желание набрать воды и плеснуть ему в лицо.

Через полчаса мы потянулись вереницей к нашему транспорту: нас ждал поздний обед и отдых до вечера. Я брела вместе со всеми, однако отстала, пытаясь вытряхнуть из босоножки налипший на пятки песок — не хотелось засыпать джип и получить язвительный нагоняй от Александра Михайловича. Даня, увидев, что я остановилась, подошел ко мне.

— Рыжик, как тебе мой брат? Похоже, ты ему понравилась, — сказал парень, а я опешила.

— А он мне нет, — пробурчала я, глядя на Даню преданным взглядом, который должен был дать ему понять, кто мне приглянулся на самом деле. Почему он не замечает, что я на него запала? — Да и потом, ты все придумываешь, не может быть такого, — в сердцах воскликнула я.

“Ну, может, и не придумывает! Много ты в мужчинах настоящих понимаешь! Ты присмотрись для начала! А то я ведь не уверен, позволю ли я вам построить отель возле моего леса. Это экологи пересаживать кустики разрешают, а я вот возьму и запрещу! И знаешь, куда их вам понатыкаю?” — раздался голос у меня в голове, а я поняла, кто мурлычет

мне прямо в мозги — Проныра!

Глава 9. О чувствах богов и коварстве лесных духов

Настоящий человек идет под водой и не захлебывается, ступает по огню и не обжигается, идет над тьмой вещей и не трепещет.

Ян Чжу

— Да что это за кусты такие? — в сердцах воскликнула я, забыв, что для духа леса мне достаточно просто думать. Увидев, что я отстала, вся наша группа замедлилась, пытаясь понять, что им следует делать, и не реагируя на просьбу Коростылевой следовать к автобусу.

“Чего орешь как оглашенная?” — раздалось громкое в голове, а я поморщилась и закрыла уши ладонями — не помогло. Даже не представляю, как странно это выглядело со стороны. Вызывайте экзорциста — Тая одержима!

“Не ору я. А ты мысли всех присутствующих слышишь?” — мне вдруг подумалось, что Проныра может быть полезен своими талантами в моей работе, но в ответ я услышала лишь тяжкий котовий вздох.

“Я не телепат! Но иногда могу!” — получила я не очень понятный ответ.

“Это как?”

“Да какая тебе разница! Чего пристала? Ты поняла, что нужно делать? К мэру присмотреться!”

Вместо ответа я крутила головой, пытаясь вычислить, где прячется эта черная усатая морда с желтыми глазами. Очень хотелось поймать его за шкирку и допросить. С духами так поступать, наверное, не стоит, но слишком нагло он себя вел. Что за бредовая идея — сводить меня с этим морозным солдафоном в костюме?

— Вы ищите “Сердце ундины”? Их особенно много вон на том утесе. Хотите, поднимемся вместе и я покажу? Это очень красиво, — отреагировав на мой крик и ищущий взгляд, неожиданно предложила молодая девушка из группы экологов.

— А почему эти кусты так называются? — опешив, спросила я. Девушка пожала плечами, но вместо нее готовность отвечать продемонстрировала другая представительница “зеленых”, которая с энтузиазмом поспешила к нам.

— О, это замечательная история — волшебная и таинственная, — сказала она, с надеждой глядя на окружающих в поисках поддержки. — Могу рассказать.

Вокруг становилось людно: китайцы, словно почувствовав, что будет интересно, окончательно передумали лезть в автобус и приблизились к нам. Я перевела им слова эколога, и они возбужденно начали призывать женщину поведать им историю, а меня — ничего не упустить при переводе. Нехотя, но к нашей спонтанной экскурсионной группе подгребся

и Штайнер с Коростылевой — теперь внимать готовы были все. Эколог довольно заулыбалась, прокашлялась и заговорила.

“Да-а, хорошая история. Я ее зна-аю”, — тем временем протянул мурлыкающий голос в моей голове. Не удержавшись, я шикнула на него: “Не мешай! Я работаю!”

Потеряв контроль, я, кажется, опять ответила Проныре вслух, введя в заблуждение окружающих. По крайне мере, Данил и Александр Михайлович почти одновременно повернулись ко мне, рассказчица вопросительно подняла брови, и даже Ли Вэй, забыв о своей вечной хитроватой улыбочке, выдал недоуменное:

— Таисия, мне кажется, вы все же перегрелись. Я не зря переживал, что вам жарко. Если вам плохо, я могу переводить вместо вас, но не уверен, что отражу все тонкости. Но я легко могу что-нибудь придумать, чтобы оставить своих коллег удовлетворенными. Вы только кивайте для надежности.

— Все в порядке, я сама. Это были просто мысли вслух, — представив, что может придумать китаец, я поморщилась, а потом обернулась к экологу и призвала ее начинать.

— Травянистый кустарник “Сердце ундины” был назван так местной знахаркой. Название прижилось и было занесено в реестр местной флоры как официальное — таким образом это растение обрело, помимо латинского, такое вот необычное, поэтичное наименование, — спешно, словно боясь, что ее опять перебьют, приступила к рассказу женщина.

— Что за знахарка? — с любопытством уточнил Ли Вэй. Я перевела, а женщина охотно объяснила:

— Живет тут неподалеку одна старуха, зовут Нарина, лечит людей и травит байки. Она была свидетелем появления "Сердца ундины" в нашей местности — это случилось около тридцати пяти лет назад, при этом нигде на побережье, да и в мире не зафиксировано больше произрастания этого вида. Когда советские ученые, которые приехали его исследовать, по совету местных, обратились к Нарине, она рассказала им совершенно невероятную историю, связывающую эти кусты с Нептуном.

— С кем? — переспросил один из китайцев, и я объяснила ему про древнеримского бога морей.

— А морской бог-то тут причем? — заинтересованно подключилась к беседе Наталья Николаевна. Сейчас она была похожа на следователя НКВД, который того и гляди отправит эколога в трудовые лагеря за вранье — будучи по своей сути человеком "здесь и сейчас", не любила Коростылева подобного рода сказки.

— Так встретила она его, — пояснила рассказчица. — Поговорила.

— И что ж, она прям с ним лично беседовала? — уточнил Ли Вэй, зачем-то косясь на Штайнера, который, сложив руки на груди, смотрел перед собой, погрузившись в свои мысли.

— По ее словам, да, перекинулись парой-тройкой слов, — со спокойной улыбкой уточнила эколог.

— А причем тут растения? — не поняла я.

— Так вы дослушайте! — эмоционально воскликнула женщина, и мы замолчали, ожидая продолжения. — Нептун шел по лесу и набрел на ее жилище… — на этой фразе раздалось фырканье Коростылевой и ее совсем не тихое: “Это же психушка!”, на что даже китайцы, презрев нормы вежливости и любовь к белокурой богине, начали шикать и просить не перебивать. После того, как Наталья Николаевна подняла руки, сдаваясь, и замолчала, азиаты опять сосредоточились на рассказчице.

— Так вот! Когда Нептун встретил Нарину, — с явным нажимом продолжила женщина, — то поведал ей, что раз в год он ровно на сутки выходит из воды в обличье человека. Это всегда происходит летом, в день, когда люди его чествуют. Да-да, тот самый “День Нептуна”! — предвосхитила эколог любые вопросы. — Бог рассказал, что любит гулять средь народа и радоваться, что его не забывают. Известно же, что боги силу имеют тем значительнее, чем больше мы о них думаем, — женщина сделала паузу, окинув всех взглядом. Переводя на китайский, я по инерции повторила ее действие и увидела интересное: Ли Вэй выглядел так, словно знал окончание истории, Штайнер так и стоял истуканом, глядя в пространство, а Даня скучал, время от времени бросая косые взгляды на Наталью Николаевну. Только китайцы и неожиданно сама Коростылева оказались благодарными слушателями.

Рассказчица сосредоточилась и перешла к основной части:

— По свидетельству Нарины, Нептун собирался жениться — была у него любимая ундина, что скоро должна была стать его супругой. Описывал он ее прекрасной как лунный свет и даже показал портрет. Знахарка говорит, что запомнила копну рыжих волос ундины, — на этой фразе все как один посмотрели на меня, и особенно тяжелым вышел взгляд мэра. Я поежилась. К счастью, история поражала воображение и другими интересными подробностями, которые заставили забыть всех о моей шевелюре. Эколог вошла во вкус и с легким завыванием профессионального былинщика поведала финал:

— А еще Нептун показал Нарине подарок, что купил для своей любимой на местной ярмарке — это был золотой браслет, инкрустированный изумрудами и рубинами. Эти камни в водах морских не найдешь, вот и решил бог удивить невесту. Нептун был взволнован и рассказал, что завоевала ундина его сердце целиком, а потому ждет не дождется он, когда вручит ей украшение. Поделившись радостью, бог вернулся в море, а спустя неделю случился шторм. Нарина как раз общалась с духами, сидя на этом утесе, — сделав паузу, эколог указала рукой туда, где росли необычные кусты, а потом продолжила:

— Знахарка смотрела на воду, когда из пены морской поднялась фигура Нептуна, да уже не человечья, а настоя-

щая: огромная, могучая и яростная. Бог ревел, рвал и метал громче самой стихии. Он поднялся над волнами и протянул к утесу руку, в которой лежал его драгоценный подарок. С криком: “Как смела ты меня покинуть, жестокая!” бог кинул браслет в утес. Знахарка рассказывала о том, что не сразу поняла, к кому обращается Нептун, и даже успела подумать, что к ней. В эту секунду Нарина почувствовала то самое состояние, которое у людей называют “прединфарктным”. Однако все обошлось: на лету украшение превратилось в россыпь красных и зеленых камней, а когда они коснулись поверхности земли, то появились эти самые кусты: выросли прямо на глазах. Нептуна она больше не видела, шторм смолк. Все.

Женщина замолчала, а я перевела ее речь до конца. Китайцы зааплодировали — мужчины были в восторге.

— Логичнее было назвать эти кусты "Гнев Нептуна"...— последовал комментарий Коростылевой. — Так, а что случилось-то? Зачем он драгоценностями раскидывался? — уточнила она, так как трепетно относилась к подобного рода подаркам. — Свадьбы не было, что ли?

— Нарине тоже было любопытно, и она спросила духов. Те нашептали о том, что ундина сбежала. Вроде как, обиделась она на морского царя и уплыла на север, — ответила эколог.

— Погодите, но он же царь морей, догнал бы, — нахмурилась Наталья Николаевна. Ее практичный разум не пони-

мал, в чем драма ситуации, ведь все решаемо.

— Так нет у него хода к морям Северно-Ледовитого океана. Атлантический в его ведении, — ответила наша рассказчица, а потом замялась, увидев скепсис в глазах слушателей.

Я удивлялась вместе со всеми. Боги различают географические единицы? До этого история звучала как красивая легенда, а тут… Ерунда какая!

Женщина пожала плечами, словно это единственная часть, которая ей тоже показалась непонятной, но все же пояснила:

— Нарина объясняет все тем, что у богов, как и у духов, есть некие границы и зоны влияния. А потому Нептун не властен над северными морями.

— Бред! — воскликнула богиня "Мегастроя", а в моей голове опять зашумело.

“Правду говорит Нарина. У меня, вон, тоже только в моем лесу власть есть, а в чужом меня еще и отпинают, если зайду”, — прокомментировал Проныра.

— Имею ввиду — все бред! — уточнила Наталья Николаевна. — И про бога, и про любовь, и про браслет. Греческий миф, не иначе.

— Бред или не бред, не знаю. Положим, в Нептуна я тоже не верю, да только у кустов этих ярко-изумрудные листья и соцветия рубинового цвета, а в шторм они немного светятся — феномен зафиксирован множество раз. Так что нельзя губить это чудо природы, кроме всего прочего это уголовно

наказуемо, — вступила в разговор девушка-эколог, перебивая своего старшего товарища. — Пойдете смотреть? Думаю, вы сами все поймете, — китайцы загалдели, и я от их имени кивнула. Мне и самой захотелось увидеть "Сердце ундины", уж больно название будоражащее.

Девушка подошла к утесу и направилась по тропке вверх, а я последовала за ней. Азиаты не отставали, громко обсуждая, есть ли в Китае подобная легенда — оказалось, похожих полно, но без привязки к растениям. Я все время поглядывала назад, проверяя, как дела у моих подопечных и ощущая себя Моисеем, который водил евреев — в нашем случае не по пустыне, но с тем же сомнительным результатом.

— Я туда не полезу, — раздался внизу громкий голос Коростылевой, когда мы поднялись на несколько метров, и я ее понимала. Утес довольно высокий и нужно быть очень мотивированным и рисковым, чтобы карабкаться на вершину в ее обуви. — Александр Михайлович, вы останетесь со мной?

— Да нет, зачем же. Тоже пойду смотреть на заросли "Сердца ундины". Кому как не мне полезно знакомиться с эндемиками нашей местности, — с мрачной и даже язвительной усмешкой промолвил Штайнер. Ли Вэй развеселился и не смог удержаться, чтобы опять не поддеть мэра:

— Мне кажется, вы сами в каком-то смысле местный эндемик.

Интересно, только я, профессиональная переводчица, не могу сообразить, что имеет ввиду этот китаец? Только мне

его шутки кажутся странными? Переводить не стала — уверена, адресат и так принял информацию.

“И откуда ты притащила этого иноземного гада?” — вновь раздалось у меня в голове. При этом мне показалось, что я разглядела черный пушистый хвост, мелькнувший в траве справа.

“Почему ты так груб? Почему Ли Вэй гад? При чем тут гад?” — попыталась я четко выразить свою мысль.

“А кто?” — недоуменно уточнил Проныра.

Мысленно зарычав в раздражении, я, тем не менее, не стала больше транслировать свои мысли коту. Дух захихикал, а я повернулась проверить, как реагирует Штайнер на слова китайца. Мужчина выглядел индифферентным: Александр Михайлович восходил на утес как на Эверест — сосредоточенно глядя перед собой. Он замыкал нашу цепочку и, словно почувствовав, что я смотрю, поднял глаза, встретившись с моим взглядом. Серый шторм нырнул в душу, я резко отвернулась, и, споткнувшись, чуть не упала. Все же этот тип приносит мне исключительно проблемы. Нужно держаться от него подальше!

Далее мы продолжили наше восхождение молча, и я очень надеялась, что у спорщиков не хватит сил, чтобы снова начать пикироваться на ходу.

Вершина открыла нам небольшую поляну, прекрасный вид сверху и кусты — много кустов. Это были не просто растения, а иная реальность. Никогда не видела подобного,

словно смотришь на иллюстрацию к фантастической книге, где автор изображает другую планету. Солнце играло в листве, бабочки и пчелы порхали с рубинового цветка на цветок, при этом все заросли "Сердца ундины" казались плачущей кровавыми слезами морской гладью изумрудного цвета.

Все восхищенно охали, а экологи покрикивали, чтобы мы не смели трогать растения руками. Китайцы разбрелись по поляне, а я подошла к краю утеса, заглядываясь вниз на море, которое с такого ракурса тянуло к себе больше, чем редкая флора.

— Не боитесь упасть? — раздался голос Александра Михайловича. Он подошел и встал в паре метров от меня, словно не решаясь приблизиться. У этого верзилы есть фобии? Я удивленно посмотрела на него. Никогда не боялась ни глубины, ни высоты: в свое время я не только отлично плавала, но и довольно успешно тренировалась в прыжках в воду.

— Не боюсь, я же не идиотка, чтобы свалиться, — ответила, пожав плечами. До края оставалась пара шагов, их я делать не собиралась.

"Прости, но, боюсь, именно так ты и будешь сейчас выглядеть, — как идиотка", — промурлыкал Проныра, а потом случилось сразу несколько событий.

Земля под моими ногами начала трескаться, и я почувствовала, как теряю равновесие. Тело невольно накренилось в сторону обрыва, я вскрикнула, а мэр ринулся ко мне. Мужчина успел ухватить меня за полу жакета, и все могло кон-

читься хорошо, если бы не вес могучего тела Штайнера, который мгновенно обрушил и без того неустойчивую и хрупкую земную поверхность под моими ногами.

Мы упали. Мы падали. Мы кричали. Матерный вопль мэра вторил моему — тоже не очень вежливому.

Проныра тоже был рядом. Виртуально, правда. А жаль: прыжок этой шкуры в воду меня бы порадовал. Пробиваясь сквозь мое "какого-хрена-мамочки-ой-ой-ой", кот в голове шептал: "Для тебя стараюсь, дура. Чего орешь? Впрочем, ори. Он быстрее услышит".

Первым в воду вошло тело мэра, затем мое. В глазах завертелся калейдоскоп пены и пузырьков, а в голове вертелась лишь одна мысль: "Срочно на берег!"

Никогда я еще не была так близка к провалу: до него оставалось не более нескольких минут. Мне нужно было как можно скорее выходить на сушу. В противном случае "Сердце ундины" будет не самым удивительным, что увидят китайцы в этот день. Как насчет хвоста ундины? Живого, блестящего? И тоже почти изумрудного?

Глава 10. О явлениях — странных и природных

Иногда я останавливаюсь и думаю: я мог умереть сегодня.

Джеки Чан

Мешкать было некогда. И я не мешкала. Но для начала оценила обстановку. Вынырнув из воды, глянула в сторону берега и оцепенела от удивления. Он находился на расстоянии нескольких сотен метров, как и то место, откуда я свалилась. В шоке подняла глаза на утес, еле рассмотрев китайцев, экологов и Ли Вэя, махавших с вершины. Каким образом нас в одно мгновение отнесло так далеко? Рассуждать на эту тему мне долго не дали.

— Тая, быстро к берегу! Ты хорошо плаваешь? — возле моей головы вынырнул Штайнер. Я успела забыть о нем, а потому от испуга рыбкой подскочила над водой.

— Я, д-да… Чт-то… — ответила и запнулась, оглянувшись. Море за спиной восстало: к нам шла волна. Огромная, в несколько метров высотой — настоящая мечта серфингиста-самоубийцы. Я думала, не бывает одной волны — бывает много и постоянно. А тут… На ум пришло цунами, но какой, к предкам, цунами на Черном море?! Остальная водная поверхность была гладкой, я не ощущала ни малейшего

ветерка — полный штиль. И только этот гребень угрожающе приближался словно взбесившийся кит, решивший, нарушая законы гидродинамики, плыть поперек.

— Скорее! — крикнул мэр, и я проникласъ.

Набрав в легкие побольше воздуха, рванула качественным кролем к берегу. Краем глаза я видела, что Штайнер не отставал, чем невольно завоевал мое уважение. Даже в своей обычной человеческой форме я легко делала почти два с половиной метра в секунду — в свое время со мной мало кто мог тягаться, мне прочили олимпийскую славу. А тут, поди ж ты! Александр Михайлович греб как заведенный. Мне даже казалось, что он сдерживает себя и готов плыть быстрее — как рыба-парусник, ускорившись раз в десять. Он что, из солидарности подстроился под меня? Быть такого не может!

Возмутившись такому беспределу, я напряглась и вырвалась вперед. Однако цена этому была высока: тело с радостью приняло вызов и начало автоматическую перестройку на русалочий режим.

Предки, помилуйте! Я почувствовала, как кожу защекотало и похолодило чешуей, ступни начали неметь — процесс перерастания ног в хвост пошел полным ходом. Я уже не чувствовала скорости, а это значило, что я серьезно разогналась. И вот что пугало: мэр все еще шел стабильно рядом, даже на голову впереди. Сейчас мне впервые пришло на ум, что с ним что-то не так. Я даже заподозрила Штайнера в том, что он мой сородич. Решила, что спрошу его об этом позже.

По ощущениям до берега оставалось всего ничего. Меня это, впрочем, не особо радовало, так как в данный момент я получала удовольствие— которое, правда, было чревато излишним вниманием окружающих. Я вдруг представила, что наблюдали зрители с утеса: два дельфина-шизофреника и несущаяся за ними непонятная волна. Кажется, местные репортеры смогли бы поживиться неплохим материалом, случись им пробегать мимо. Впрочем, экологи, как и китайцы, скорее всего, не упустили прекрасную возможность и сейчас снимают на смартфоны. Да здравствует популярность в сети! Радует, что расстояние большое — может, я и не засвечусь.

— Давай, еще капельку! Быстрее! — раздался рев слева, выбивший меня из моих мыслей, а через секунд десять я ощутила рывок, полет и себя, лежащую на песке, куда меня таким стремительным образом вытащил Штайнер. Мэр молча растянулся рядом, а я скосила глаза на свои ноги, боясь, что увижу лохмотья брюк и рыбью конечность. К счастью, мы во всех отношениях успели — не только сбежать от загадочной волны, но и от моего русалочьего каминг-аута.

— Таисия Ивановна! — с почти не сбившимся дыханием произнес Штайнер, вновь прервав мой внутренний диалог. — Официально заявляю, что вы самая быстрая женщина в моей жизни!

Прозвучало искренне и с чувством. Мне очень захотелось ответить мэру тем же. И если в отношении меня, это был

хоть и сомнительный, но все же комплимент, то скажи я ему, что он самый быстрый мужчина в моей жизни, прозвучало бы явно двусмысленно. Ли Вэй бы не смолчал… А я — да. И не только потому, что сдержанна по природе, но и потому, что пока не могла говорить.

Особенность моего оборотнического организма заключалась в том, что при переходе в хвостато-рыбье состояние, я теряла дар речи. В прямом смысле. В данный момент процесс лишь начался, но и на этом этапе у меня вполне могли проявиться сложности с выражением своих мыслей: будет неловко, если вперемешку с нормальными словами я начну общаться звуками, похожими на те, что издают дельфины. Думаю, вряд ли Штайнер готов это услышать. Так что мне было необходимо минут десять переждать.

— С вами всё хорошо? — Александр Михайлович сел и начал стягивать с себя промокший пиджак, после чего снял рубашку, скрутил ее и принялся яростно выжимать из нее воду. Не удержалась, чтобы не пробежаться глазами по красивому, тренированному торсу, представшему перед глазами. Немного взволнованный, энергичный, с упавшей на лоб челкой — сейчас мэр перестал напоминать бесчувственного солдафона в пиджаке. В данный момент он был мне даже приятен.

Долго залипать на мужской красоте я не стала — были дела и поважнее. Например, понять, что вообще произошло. На повестке было два вопроса: зачем Проныра меня сбросил

в воду и что за микро-цунами устроил нам скоростной заплыв. Я приподнялась и всмотрелась в морскую даль. Водная стена пропала. Совсем. Была и нет. Вопросительно и очень громко взглянула на Штайнера, Мужчина усмехнулся и произнес:

— И все же вы удивительная женщина. Вам сейчас полагается задавать вопросы. А вы… Впрочем, я все равно отвечу. По вашим удивительным… — мэр осекся, — по вашим удивленным глазам понятно, что вы хотите узнать. Мы убегали с вами от особого природного явления, характерного только для нашей местности. Возникает волна, она… разрушительна. Ну а от берега нас унесло отбойным течением.

Больше он ничего не стал объяснять, а я посмотрела на мужчину с сомнением. Всю симпатию смыло этой самой разрушительной волной и утащило течением прочь. Пришло осознание, что меня держат за дуру.

— Что? Почему вы молчите? — наклонился ко мне Александр Михайлович, а я отпрянула, глядя с укоризной. — Вы ударились? Больно? Почему вы онемели?

Я открыла рот, чтобы попытаться ответить, когда нас перебили.

— Ну вы даете! — раздалось на китайской версии английского языка. — Это было очень захватывающее зрелище! — Ли Вэй появился словно из ниоткуда, упал на колени на песок возле меня и приложил к моему лбу руку. От неожиданности я не успела его оттолкнуть, а потом уже и не стала, так

как почувствовала нечто странное, но вместе с тем приятное: от ладони азиата в мою голову заструились прохладные токи, которые начали ползать внутри моей черепной коробки, вызывая щекочущие ощущения. Я почти видела, что происходит: вот цветные нити скрутились в спирали и прошили лобную долю моего головного мозга, вот они тянутся в височную долю, захватывают теменную… "Душ-ша моя…"— услышала я. Что за!..

— Эй, что вы… — начала я, а потом поняла, что дискомфорт, онемение и признаки оборота в русалку исчезли. Языком я шевелила свободно, угрозы выдать свою вторую сущность больше не было.

— Милая Тая, это называется восточная медицина. Вы немного повредили свой инь, слишком акцентировали ян. Я все наладил.

— Или вам просто очень хотелось ее полапать, — раздалось раздраженное рядом. — Вы свой инь бы не тянули куда не надо, — Штайнер даже не потрудился перевести свою тираду на английский.

— Какое невежество! Инь — это женское начало, вы, наверное, имели ввиду совсем другое. Или просто сами хотели… лапать. У вас было время это сделать, вы упустили свой шанс, — усмехнулся китаец, а я в который раз удивилась тому, как хорошо он понимает русский. Китайский шпион, как пить дать.

— Что вы видели сверху? — спросила я у Ли Вэя, тяжело

поднимаясь на ноги и прерывая новую серию их глупого соперничества. Ноги были слабоваты, так как каждая косточка еще пару минут назад готовилась стать мягкой как пластилин. Мое тело чувствовало разочарование и неудовлетворенность и, похоже, мстило: я неудачно наступила на камень и чуть не упала. Рухнуть обратно на песок мне не дали две мужские руки: Александр Михайлович подхватил за правый локоть, а Ли Вэй — за левый. При этом мужчины встали напротив друг друга, используя убийственный взгляд как оружие против врага. На меня они при этом особо внимания не обращали.

Сначала больнее было правому локтю, так как ручища Штайнера явно выигрывала у изящной ладони Ли Вэя, но потом стало больно и левому, так как китаец тоже усилил нажим. Похоже, соперники даже не понимали, что их специфичный армрестлинг причиняет мне дискомфорт.

— Эй, что вы творите? — я вертела головой и дергалась, но от этого было только больнее. Взглянула на руку китайца, которая словно клещи все сильнее сдавливала мою, легко побеждая хватку мэра. Откуда в Ли Вее такая богатырская сила? Ответ на этот вопрос я получила, когда увидела, что из себя представляет сжимающая меня ладонь: по коже китайца бегали цветные всполохи и черные нити, собиравшиеся в непонятный узор. Похоже, у этого мужчины тоже есть своя история — и не только про восточную медицину. Я увлеклась наблюдением за непонятным мне явлением, почти за-

быв о боли, когда нашу “идиллию” нарушили.

— Вы нас напугали! Что вообще происходит? — раздался возглас. Я моргнула, Ли Вэй разжал пальцы, узоры исчезли. Я осталась в руках Штайнера, который дернул меня на себя и так и остался стоять, словно не зная, что делать с неожиданным призом в моем лице.

Я подняла глаза и увидела, что вся наша компания в полном составе мчится к нам по песку. Даже Коростылева, которая, собственно, и орала.

— Все живы? Тая! Я испугалась! Где мы найдем переводчика в этой глуши!

Да уж! Добрая, милая Наталья Николаевна. Впрочем, честность — тоже положительное качество. Наша царица заточена на результат, и тонуть, пока она его не достигла, — кощунство.

— Это не глушь! Но переводчика не найдёте — это точно, — Александр Михайлович отмер и отошел в сторону, выпустив на свободу мою правую руку. — Пора отвезти вас всех в отель. Стоит отдохнуть до вечера перед приемом. Или, может, стоит его перенести? — произнося свою речь, Штайнер пытался отряхнуть песок с мокрой одежды. Похоже, ответа на свой вопрос он ждал от меня, так как цепко и внимательно взглянул в мои глаза, когда его задавал. — Вы устали? Перенесем?

— Ничуть. Все должно быть по плану, — ответила я и услышала облегчённый вздох Коростылевой.

— Что вы такое? — прошептал вдруг Штайнер, блеснув глазами. Мужчина сделал шаг в мою сторону, я замерла в ожидании. На пару секунд меня бросило в шторм его глаз…

— Рыжик! Ну ты гребешь! Я офигел! Мой брат — пловец, это да. К тому же ему мотивация ускорение придавала! Да, Сань? Но ты! Ракета! — Даня пришел последним и улыбался мне во все свои белоснежные тридцать два. Я тут же забыла о мэре, о море и вообще обо всем и разулыбалась в ответ. Мир померк, я смотрела только на Даню — похоже, моя симпатия к нему прогрессировала. Вдруг захотелось чтобы мужчина приблизился ко мне, а не стоял возле Натальи Николаевны… этой белобрысой… Белобрысой ведьмы!

— Я думаю, нам, и правда, пора в отель, — нервно сказала я на двух языках, приводя себя в чувство. Ерунда какая-то в голову лезет — все от стресса. Не хватало еще до ревности докатиться!

Китайцы одобрительно загалдели, услышав, что я не забыла их язык. Наши инвесторы наперебой начали задавать мне очень закономерный вопрос: а что вообще случилось, и можно ли тут вообще строить отель — для отдыхающих это может быть опасно. Я перевела вопрос Александру Михайловичу, который успел полностью вернуть себе мрачный взгляд и привычную лаконичность.

— Можно! Это очень редкое явление. Раз в сто лет происходит, — сказал как отрезал мужчина. На эту фразу азиаты возбудились ещё больше: это ж как им повезло! Все ри-

нулись постить видосы в своих соцсетях. Я занервничала, а Даня прокомментировал со смешком:

— Вот странные! Да, Рыжик? Ни один человек не поверит, что это видео — не нейронка. Я вообще не знаю, есть ли смысл в наше время выкладывать что-то удивительное. Прикольнее наоборот — что-то настоящее, — произнося последнюю фразу Ларин как будто задумался и даже загрустил на мгновение.

— Ты будешь вечером на приеме? — вдруг обратился к нему Штайнер, пока мы всей гурьбой направлялись к транспорту.

— Я не могу бросить своих подопечных, – жизнерадостно ответил Ларин, а я в ответ не смогла сдержать рвущуюся на лицо очередную улыбку. Улыбку триумфа! Я увижу Даню вечером! Это же прекрасная возможность. Как здорово! Нужно одеться во что-то сногсшибательное!

— Это совсем не обязательно! — бросил Александр Михайлович, а его брат лишь усмехнулся.

— В моей жизни не так уж много обязательных вещей, но тут… Я своего не упущу, брат. Не упущу.

О чем говорили мужчины, я понять не успела, так как мы пришли на место стоянки нашего автобуса и джипа мэра. Водитель встретил нас как родных. Из салона машины неслись звуки песни Кадышевой: похоже народная тематика зацепила мужчину, и он все это время слушал исключительно подобный репертуар.

Наталья Николаевна бойко забралась на переднее сиденье, а мы втроем с мэром и Ли Вэем сгрудились возле задней двери, пытаясь разобраться, в какой расстановке поедем обратно. Наша троица была похожа на кучку очень интеллигентных личностей, которые не могут войти в одну дверь, пытаясь вежливо уступить эту возможность другому. Толчея производились под русско-народный саундтрек, что превращало ее в танец матрешек.

— Я, пожалуй, поеду со всеми, — робко пискнула, зажатая между мужчинами. Я с тоской глядела, как светлая макушка Ларина скрывается в недрах автобуса. Моё решение удивительным образом стало сигналом к действию и мигом решило проблему. Мужчины скооперировались и живенько так усадили меня в первоначальной комбинации — между собой. В этот раз меня никто никуда не двигал, не поднимал и не прижимал. Похоже, Ли Вэй и Штайнер взяли таймаут — на обратном пути они не сказали друг другу ни слова. Вместо их пикировки мы слушали как наш водитель фальшивит, подпевая певице на очередном душевном треке. Это оказалось заразно, и в конце нашего короткого путешествия даже китаец довольно сносно подвывал “Виновата ли я”.

Штайнер дал указание водителю везти нас прямо в “Изумрудный”. Для меня это была плохая новость, ведь я очень надеялась проехать хотя бы часть пути рядом с Даней в автобусе. Не вышло: Александр Михайлович включил благородство, решив доставить до двери, а не до мэрии, как я пред-

полагала.

Скоро мы подъехали к отелю. Штайнер вышел из машины только затем, чтобы пересесть к водителю. По моим ощущениям, его "Изумрудный" не радовал: мужчина выглядел как человек, который стремится поскорее отсюда сбежать. Джип начал движение, но неожиданно отъезд мэра задержали: из отеля выскочила Мария Федоровна. Она окликнула Александра Михайловича и поспешила к машине.

— Сынок, ты так давно меня не навещал! Я так рада тебя видеть! — сказала она, подойдя к затормозившему джипу.

— Здравствуй, мам, я тоже рад тебя видеть. Но ты же знаешь, я не люблю это место. Зато я всегда жду тебя в городе. А сейчас, извини, спешу, — с дежурной улыбкой торопливо ответил Александр Михайлович. После этих слов он дал знак водителю ехать, джип тронулся и скрылся за поворотом. Мария Федоровна проводила машину сына нечитаемым взглядом и повернулась к нам.

— Думаю, вы голодны. Обед через полчаса. А вам, Таисия, похоже, нужно переодеться, — сказала женщина и направилась в отель. Полагаю, мой внешний вид ее, как минимум, удивил: помятая, мокрая и в песке, я вызывала жалость, но наша хозяйка не задала вопрос о том, что случилось. Столько такта и выдержки! Удивительная женщина! Подумав об этом, я вспомнила, что именно так называл меня ее сын. Возникла внезапная мысль подойти и спросить, что не так со Штайнером, но я одернула себя. Мы с Марией

Федоровной на брудершафт не пили, не стоит мне лезть в ее семью. Хотя почему же… Если лезть, то только к Дане…

Поднимаясь в номер, я ощущала дикую усталость — все же я не железная. Очень хотелось в ледяной душ. Раздевалась я прямо у порога, сдирая грязные вещи и скидывая их на пол. Вытащив из шкафа халат, направилась к ванной комнате, мазнув взглядом по стене над кроватью. Акварель с русалкой висела на своем законном месте. В этот раз картину изуродовали кардинально: у русалки не было головы.

Глава 11. О страхах лесных духов и обаянии китайских мужчин

Страшно не то, что вас обманули или обокрали, страшно, что вы постоянно помните об этом

Конфуций

— Бабушка, у русалки нет головы! А если ее и мне оторвут? Это угроза! — увидев во что превратилась акварель, я сорвалась: набрала номер шаманки и сказала, что возвращаюсь.

— Тая! О чем ты? Объясни толком! — настойчиво, но при этом спокойно приказала Лидия Ивановна. Она не любила истерики — не мои, ни чьи-либо еще.

— Кто-то опять забрался в мою комнату и вырезал голову у русалки! А ещё меня уронил в море Проныра, пыталась нагнать морская волна, а мэр Жемчужного плавает со скоростью спортивной иномарки. Я хочу домой в Мурманск — там привычно. Ну ее, эту работу!

— Предки! Что ты несешь? Похоже, голову потеряла не картина, а ты. Расскажи обстоятельно!

Я досчитала до десяти, пытаясь унять нервную дрожь, и поведала все, что случилось за этот день. Лидия Ивановна не перебивала, только иногда я слышала ее неразборчивый

шепот: “Что за балаган они там устроили?”

Когда я закончила, шаманка некоторое время еще безмолвствовала, а потом выдала:

— Девочка моя, тебе нужно оставаться там. Духи знают лучше, не нужно пытаться их обмануть. Тем более, завтра новая луна, а потому тебе нельзя быть вдали от моря. В дороге ты точно погибнешь, а в Жемчужном… это все может быть полной ерундой и чьей-то шуткой. Волна говоришь?.. Таисия, думаю, не за тобой она гналась… А вообще, бери пример с меня и спроси-ка ты у духа... лесного. Его это проделки — он точно знает, что происходит. Только построже с ним, чтоб не увильнул. В конце концов, ты внучка шаманки, имеешь право!

Именно поэтому после обещанного Марией Федоровной ужина я, несмотря на усталость и необходимость собираться на вечернее мероприятие, сбежала от всех и пошла в лес.

— Дух леса! Проныра! Выходи! — прошипела я в вполголоса, отойдя на десяток метров от отеля, но не углубляясь особо в лес. Надеюсь, сейчас мне не нужны бубен и волшебные травки бабули, я этого заразу и так найду. — Выходи, подлый трус! — вспомнив, что бабушка сказала быть увереннее, я добавила фразу из мультфильма про Леопольда.

— А я не понял, чего это сразу трус? Да еще подлый? — ворвалось недовольное в мою голову. Я посмотрела по сторонам и увидела сидящего неподалёку и взирающего на меня своими желтыми глазами кота. — Хотя, подлый, конечно, не

спорю, — покаялась животина. — Но зато я вообще ничего и никого не боюсь!

— Если ты не расскажешь мне что происходит, будешь меня бояться! Это я обещаю! — максимально грозно сказала я.

— Да? И что же ты сделаешь? — кот поднял свои наглые глазищи и заинтересованно уставился на меня.

— Ну… — неуверенно промычала я, — лес начну портить! — С этими словами я схватилась за еловую ветку, что как раз висела над моей головой, и начала ее выламывать. Ветка гнулась, но ломаться не хотела. Я оцарапала себе все руки, вспотела, но за пару минут борьбы так и не смогла причинить ей вред. Плюнув, огляделась, пытаясь найти новую жертву для своей мести, а Проныра протянул, лениво растягивая гласные:

— Зря ты себя калечишь, морская дева. Не твое это — с лесом воевать. Тебе сегодня еще на приеме блистать. Мэра очаровывать… — у меня появилось стойкое ощущение, что указания мне раздает кот Матроскин — сейчас манера лесного духа говорить очень напоминало этого мультперсонажа.

— Да что тебе дался этот Штайнер? Да чем больше ты говоришь о нем, тем меньше мне его видеть хочется! — в сердцах воскликнула я.

— Да ты что! — делано удивился кот. — Ну тогда продолжим! — совсем уж невпопад мявкнул он. — Александр Михайлович — очень хороший человек. Надежный, спортс-

мен, верный, детей хочет…

— Да ты издеваешься? Он сын твой, что ли? Что ты его мне сватаешь? Ты для чего меня с ним в воду уронил? Чтобы мы что? Умерли в один день, даже не успев прожить счастливую жизнь душа в душу? Сразу к финалу перешел? — я уже открыто злилась, а потому почти кричала.

Вместо ответа кот засмеялся, но как-то не очень натурально. Я бы сказала, неискренне.

— Чего это, сын… Вовсе и не сын… Вовсе и не мой… А убивать я тебя уж точно не собирался, тебя-то зачем?

— А кого? Мэра? — я присела на корточки и с подозрением уставилась на черную морду. А потом для удобства и вовсе встала на колени. Мой вопрос Проныру впечатлил: он моргнул — я точно видела это, а затем нервно встал и обошел вокруг меня, задрав хвост. — Я угадала? А как-то без моего участия в таком случае прибить его нельзя? — продолжила я допрос, крутя головой и следя за маршем духа.

— Ерунду говоришь, — не очень убедительно проворчал кот, а я почуяла, что истина точно где-то рядом.

— Значит, меня ты убивать не собираешься?

— Нет, конечно!.. Я — нет!

— А кто русалку обезглавил, знаешь?

— Да!.. Нет! — прогремело в голове.

— Так да или нет?

— Нет!

— Или да?

— Или отстань! — раздраженно ответил Проныра. — Я зла тебе не хочу! — и вот в это я почему-то поверила. Что-то промелькнуло в голосе духа — отчаяние, возможно. — Но тебе же страшно? — с надеждой мяукнул Проныра.

— Может, мне все же стоит попытаться уехать отсюда? — вместо ответа произнесла я, задавая этот вопрос больше себе, чем лесному духу — от него все равно не дождешься толковых комментариев. Реакция Проныры была интересной: он замер, боясь пошевелиться. — Эй, ты чего? — спросила я, а кот помахал хвостом: вверх-вниз. Он что, дает мне сигнал? — Я права? — медленно повторила я, и хвост вновь проделал это не характерное для кошаков движение.

Я замолчала, переваривая свои догадки — дух меня предупреждает!

— Я вовсе не считаю, что тебе надо покидать Жемчужный, — ни с того ни с сего нарочито громко произнес Проныра, заставив меня вздрогнуть. — Ну подумаешь, головы у русалки не стало, ну и что?

— Ты здоров? — устало поинтересовалась я, мысленно ставя духу серьезный психиатрический диагноз. Это же явное раздвоение личности!

— Да, чего и тебе желаю! — делая ударение на слове “тебе”, произнес Проныра.

— И все же я не уеду, — прошептала я. — Бабушка права. Мне от моря далеко… нельзя уже. А тут с Геленджика пока доберешься… Отрастить хвост и потерять голос, а потом

задохнуться в самолёте…

Ответом мне послужил совсем уж горестный вздох.

— Мне есть чего опасаться?

Горестный вздох.

— Ты не можешь мне сказать? — догадалась я.

И вновь тяжкий вздох.

Больше я пытать Проныру не стала — не потому что не хотела, а потому что кот после недолгой паузы вдруг ни с того ни с сего подскочил как ошпаренный, прижал уши к голове, зашипел и, выгнувшись дугой, посмотрел куда-то перед собой.

Проныра нагло соврал, что смелый, сейчас он был в ужасе… Я не видела, что или кто его напугал, сколько ни пялилась на то место, куда были направлены кошачьи глаза, но это точно был страх!

Духи могут бояться?? Задать этот вопрос я не успела, так как фигура животного пошла рябью, а через секунду его и след простыл: кот растворился в воздухе, а я осталась сидеть на коленях на траве в лесной тиши. Вздохнув, поднялась на ноги и, отряхнув как могла налипшие на ноги травинки, направилась к отелю. Был соблазн опять углубиться в лес и постучать в коттедж к Дане, но времени на это уже не оставалось — пора было собираться.

Вернувшись в комнату, я взглянула на стену — картины там, к счастью, в этот раз не было. Испорченная акварель лежала там же, где я ее и оставила: на кровати. Что ж, уже

легче. Похоже, основное послание до меня донесли, больше этот кошмар на стене пугать не будет.

Закинув акварель поглубже в шкаф, я подавила острое желание лечь поспать. Возможно, я бы так и сделала, презрев страстное желание пообщаться на вечеринке с Лариным, но сегодняшний прием — это тоже работа, где без меня общение гостей с инвесторами станет проблематичным, так что хочешь-не хочешь, а нужно собираться.

С нарядом я определилась быстро. Сегодня моим выбором стало по-девичьи фривольное приталенное платье до колен с пестрым принтом, на котором сложно было определить ведущий цвет — Галя назвала его импрессионизмом на максималках, а мне наряд нравился. Волосы я распустила, макияж позволила себе чуть ярче обычного, но туфли все же выбрала удобные и без каблуков. Фуршет будет проходить на большой яхте — не хватало мне со своей координацией свалиться в воду второй раз за день. Спасибо, сегодня уже наплавалась.

В холл я спустилась, когда большинство членов нашей группы уже были там и скучали в ожидании автобуса, точнее, его водителя, отлучившегося, как оказалось, по срочным делам. Коростылева, сидевшая на диванчике с планшетом в руках, кивнула мне удовлетворенно и, кажется, с уважением: похоже, она не была до конца уверена, что я готова работать и дальше, а с моим появлением расслабилась, даже позволив себе откинуться головой на мягкую спинку, растеряв часть

королевской грации. Впрочем, что может испортить красоту этой женщины? Наталья Николаевна как всегда выглядела восхитительно: в струящемся платье кораллового цвета и в умопомрачительных прозрачных босоножках на высоких каблуках она могла, не стыдясь, выходить на подиум за короной "Мисс мира". На месте Ларина я тоже выбрала бы ее, а не себя.

Вздохнув, я огляделась и увидела, что предмет моих влажных мечтаний о чем-то разговаривал с матерью. Я послала ему лучи добра, мысленно призывая обернуться, но сама не подходила, хоть и тянуло к нему магнитом. Мои виртуальные мучения сработали: Даня, договорив с Марией Федоровной, все же заметил меня. Вау-эффекта я явно не произвела, но жеста в виде большого пальца, одобряющего мой внешний вид, все же оказалась достойна.

— Рыжик, ты просто конфетка, — воскликнул блондин, подойдя ко мне, но остановившись при этом на приличном расстоянии. Его наряд лишь немного отличался от того, что он носил каждый день. Вместо пестрой рубашки, на нем была белоснежная футболка, а джинсы были на пару тонов темнее, не такие заношенные как обычно и как будто выглядевшие чуточку официальнее. В итоге образ Ларина стал чуть более приглядным — эдакий компромисс между гавайским дауншифтером и школьником на последнем звонке.

Невольно я сделала шаг по направлению к Данилу, а он заметил, улыбнулся и, сделав вид, что у него неотложное де-

ло, вышел на улицу. Впервые мне в голову пришла мысль, что мужчина меня избегает. Я понадеялась, что это моя паранойя, но пока все факты говорили в пользу этого предположения.

Свою порцию восхищения я получила в итоге от другого представителя мужского пола. Моим восторженным поклонником в этот вечер оказался Ли Вэй. Китаец подскочил к автобусу в самый последний момент. Я уже ставила ногу на ступеньку, собираясь зайти в транспорт, когда мужчина, вихрем проскочив мимо меня, поднялся в салон и протянул мне руку. Я не противилась, когда Ли Вэй в свойственной ему манере все решать за других довел меня до места, усадил к окну и умостился рядом.

— Милая Тая, вы очаровательны! — тихо произнес он, повернувшись ко мне. — Я не устаю восхищаться вашей красотой, — приблизившись почти вплотную, эту фразу Ли Вэй прошептал мне в самое ухо. В его голосе появились какие-то новые нотки: вместо фривольной хитринки с налетом азиатской мудрости я уловила явные признаки мужского интереса. Удивленно повернув голову, я попала в плен его глаз, которые оказались вовсе и не черными, как мне казалось ранее, а цвета шоколада — теплые и лучистые, они смотрели внутрь меня, не отпуская от себя ни на секунду. — Ты очень вкусная… И ты… и твоя судьба… Сегодня я решил, что отберу тебя у нее, — на чистом русском прошептал мне мужчина, а я зачарованно переспросила:

— У кого — у нее?

— У судьбы, разумеется, — почти в губы ответил мне китаец, обдав теплом и травянисто-мятным ароматом своего дыхания.

— Вы сошли с ума? — проникновенным шепотом ответила я. — Я дорамы не люблю, уважаемый Ли Вэй, меня вот этим всем не проймешь, — продолжила я на английском. Русский, который как оказалось, китаец знал даже лучше, чем показывал, слишком сближал, позволяя перейти на неформальный стиль, поэтому я усиленно выстраивала дистанцию на иностранном языке. На китайском не решилась — слишком много ушей. — Лучше скажите, что сегодня случилось с вашими руками.

Не отдавая себе отчет в том, что делаю, я схватила Ли Вэя за кисть и поднесла ее к своим глазам, пытаясь рассмотреть те самые узоры, что плясали на его коже, когда он оставлял синяки на моей. Сейчас рука мужчины была абсолютно чистая.

— Я сегодня был груб, прости меня, — все также на русском продолжил Ли Вэй. Он поймал и обхватил своей ладонью мою. Теплая и сухая, она легонько сдавила мои пальцы, не причиняя дискомфорта, а потом потянула меня к мужчине. Азиат, не отводя пронизывающего взгляда, прижал мои пальцы к своим губам. — Позволь помочь тебе, милая Тая. Я уберу синяки: не желаю, чтобы на твоем теле оставались отпечатки моей… силы. Очень хотелось бы, чтобы отметки

были другого рода… — выдохнул Ли Вэй, блеснув глазами.

Чего-о?! Его что, подменили? Или наступил конец света?

Я ощутила, насколько двусмысленно мы сейчас с ним выглядим, прижатые друг к другу: до поцелуя оставался миллиметр — по ощущениям, китаец вконец охамел. Я попыталась отпрянуть, но далеко не получилось — уперлась в преграду: за моей спиной было автобусное окно. Ли Вэй усмехнулся, а потом с легкостью и совершенно не причиняя боли, снова притянул меня к себе как безвольную куклу, легко преодолевая мое сопротивление. Правая ладонь мужчины пробежалась от моей левой кисти и выше, запуская рой непонятных мурашек, а потом добралась до локтя и предплечья и включила уже испытанную ранее "восточную медицину" — я почувствовала прохладных змеек под своей кожей, и почти сдалась на волю приятных ощущений, когда нас прервали:

— О, Рыжик, тебе плохо? Водички принести? — в проходе стоял Данил. Мужчина вальяжно облокотился на спинку сидения Ли Вэя и наклонился, словно пытался задавить нас мощью своего торса.

— Я прекрасно справлюсь сам, — спокойно ответил ему вместо меня азиат. Я в это время ощутила участившийся пульс и проснувшуюся надежду, что Ларин все же чувствует ко мне интерес, поэтому подошел спасать от лап Ли Вэя. Однако Даня разрушил все мои фантазии одной фразой.

— Не сомневаюсь. Но Наталье Николаевне показалось, что она видит в ваших действиях признаки домогательства,

а потому она прислала меня удостовериться, что все в порядке.

Я скосила глаза и увидела, что Коростылева и правда с тревогой следит за нашей троицей. Удивительная женщина: сама же приказала мне спать с Ли Вэем, а теперь спасает. Похоже, моя начальница все же неплохой человек. Я ей улыбнулась, а потом обратилась к Ларину:

— Никакого харассмента, Даня. Все по согласию: я болею, Ли Вэй лечит…

Вместо ответа блондин усмехнулся, вызывая сладкую дрожь во всем моем теле. Я ощутила, как поджались пальчики на ногах и одновременно с этим меня посетило оно: дикое желание сбежать от этого океана тестостерона, который сводит с ума и лишает контроля.

— Не устану повторять: я не зря приехал. Как чувствовал, что этим летом в Жемчужном будет весело, — хохотнул Данил, а водитель, он же Михалыч, тем временем громко объявил:

— Мы на месте! “Ginger Siren” ждет вас на своем борту. Сегодня весь цвет нашего города пришел! Будет на что и вам, и им посмотреть.

Я в шоке через окно уставилась на борт огромнейшей яхты, который действительно украшала надпись на английском. На русский язык название переводилось как “Рыжая сирена”, она же ундина, она же русалка — жаль, что я знаю английский, ведь теперь мне придется ломать голову над еще

одним невероятным и одновременно странным совпадением.

Глава 12. О яхтах, случайностях и коварстве шампанского

Что ум и невежество, глупость и мудрость разнятся, легко позабудешь, коль сильно сумеешь набраться.

Бо Цзюйи

Оказывается, яхты бывают разные. Не то, чтобы меня это так уж удивило или как-то интересовало, но Ли Вэй, который настойчиво провожал меня на борт "Рыжей Сирены", провел ликбез, от которого сбежать не получилось, а потому я вынужденно пополнила багаж знаний. Выяснилось, что мы лицезреем перед собой сделанное на заказ судно VIP-класса. Размеры позволяли относить "Сирену" к суперяхтам — оказалось, что ее длина составляет тридцать метров, она очень комфортабельна, и на ней работает настоящий экипаж из пятнадцати человек.

Ли Вэй предложил мне свой локоть, и мы чинно направились к трапу, украшенному фонариками. Сотни таких же были развешаны по корпусу судна, но пока они не горели — солнце еще не спряталось, а лишь приближалось к горизонту, однако через полчаса стемнеет, и иллюминация будет весьма кстати.

Вставать в позу и отказываться от поддержки китайца я не

стала, так как боялась свалиться в воду при подъеме на судно. Тем более что других кавалеров не наблюдалось: остальные азиаты ко мне не подходили, а Данил уже торжественно вел на судно Наталью Николаевну. Наша примадонна, как и я благосклонно приняла крепкую мужскую руку. Она все еще кривила нос при виде Ларина, но гораздо меньше с тех пор, как узнала, что он брат самого Штайнера. Коростылева оценила его потенциальную полезность, но все же Даня для нее оставался "нищебродом", а потому в ее близком кругу места для этого человека не было.

Возле яхты играла музыка, на ее палубу поднимались красиво одетые люди, которые выходили из столь же прекрасных машин. На мой непритязательный взгляд, жемчужинский бомонд не уступал московскому — гостей сегодняшнего вечера вполне можно было выпускать на красные дорожки: яркость и вычурность нарядов поражали воображение, а выражения лиц убеждали в исключительно высоком статусе их обладателей. Мне вообще казалось, что уровень роскоши и размаха был несоизмерим с тем, как все это на самом деле должно выглядеть в маленьком провинциальном городке.

— Ли Вэй, скажите, а яхта-то чья? — обратилась я по-русски, и тут же, в попытке исправиться, начала переводить себя на английский, однако китаец меня перебил:

— Тая, предлагаю наедине использовать твой язык… Признаюсь, я его долго и усердно учил в свое время. Ах, как хочется сейчас обыграть многозначность этого слова и

сказать, что мой язык при твоем согласии и желании может пригодиться в другом качестве… Но ты же разозлишься, да? — выдохнул мне в ухо мужчина. Я остановилась и повернулась к нему, чтобы выразить свое праведное негодование, но разве может что-то пронять этого хама китайского производства! Похоже, бракованный оказался инвестор — сломался: был с чудинкой, но в целом серьезным человеком, а стал наглым… кем-то. Ли Вэй, ничуть не смущаясь и не реагируя на мой возмущенный вид, подцепил пальцем рыжий локон, упавший мне на лицо, и заправил за ухо. — Ты же видишь, мне не сложно болтать по-вашему. А еще, мне нравится слышать твою русскую речь, это меня… приводит в трепет.

Я искала подходящие слова, чтобы осадить Ли Вэя, но я настолько растерялась от его напора, что ни один из трех языков, которыми я владела, не помогал мне в этом. Не облегчило мое положение и появившееся вдруг ощущение чьего-то взгляда, прожигающего во мне дыры. Я на девяносто девять процентов была уверена, что знаю, кто сейчас пытал меня глазами — только Штайнер умел, не прикасаясь, так врезать под дых. Я подняла голову, чтобы проверить догадку и разглядеть стоявших на палубе "Рыжей сирены" людей. Он был там — у леерного ограждения, в бежевом костюме с бокалом в руках. У меня аж шею заклинило, пока я смотрела на мужчину. Мне показалось, что он злится. Впрочем, когда бывало иначе?

— А, вот и сам хозяин яхты, — прокомментировал Ли

Вэй, проследив за тем, куда я смотрю.

От этой информации я аж икнула и забыла, почему злилась на китайца.

— Мэр? Владеет этим судном? Но… Я думала какой-нибудь банкир или нефтяник подогнал ее на вечер. Откуда у мэра могут быть такие доходы? — довольно громко воскликнула я.

— Наша компания интересовалась финансовым положением Александра Михайловича, — прошептал Ли Вэй, подводя меня к трапу. — Я предпочитаю всегда заранее знать, с кем имею дело. Так вот, прежде чем стать политиком, он был бизнесменом и весьма успешным.

— Хм-м, — только и смогла ответить я. Соображать было сложно: взгляд сфокусировался исключительно на собственных ногах, которые ступили на не внушающую доверия конструкцию. Я буквально повисла на китайце, пока мы шли по трапу, чем он не преминул воспользоваться: прижимался ко мне всем телом и постоянно шумно вдыхал воздух, настаивая, что морской бриз и свежесть принесла в этот город именно я. На последнем шаге я все же пошатнулась, но не упала, а взлетела: китаец подхватил меня на руки и преодолел финальные полметра за нас обоих. Ступив на палубу, он аккуратно поставил меня на ноги, словно невзначай проведя руками по моему телу, маскируя свое наглое поведение необходимостью поправить платье.

Наше появление вышло феерическим и привлекло всеоб-

щее внимание. Я увидела около полсотни человек, которые с ленивым интересом поглядывали в нашу сторону. Интерес еще более обострился, когда к нам с китайцем подошел мэр.

— Вы, я смотрю, совсем на ногах не держитесь, Таисия Ивановна! — мрачно протянул он.

— Хотите опять обвинить меня в непрофессионализме? Так я не десантник, я переводчик, — буркнула я. Заведенная наглым поведением Ли Вэя, со Штайнером мне даже разгоняться не пришлось, чтобы начать грубить. При этом я смотрела на бокал в руке мужчины и с внутренним напряжением ждала, когда тот превратится в крошево. Я помнила, как несдержанны и сильны пальцы, что держали сейчас хрупкое стекло.

— Таисия в надежных руках, не беспокойтесь, — хмыкнул китаец. — Я теперь всегда рядом…

— Я хочу выступить с речью, вы мне нужны… как переводчик, — вместо ответа на реплику Ли Вэя заявил мэр. Штайнер сделал шаг ко мне, ухватил за руку и потянул на себя. Мужчина выглядел столь решительным, что я прониклась и покорно побежала за ним как на прицепе. Вытащив меня в центр палубы, которая, к слову, была изысканно украшена и заставлена столиками с выпивкой и закусками, мужчина дал знак музыкантам — струнному квартету — прерваться.

Музыка утихла, гости замолчали и все окружающие уставились на нас. Штайнер забыл отпустить мою ладонь, даря

знакомое мне чувство прохлады, и я вдруг поймала себя на мысли, что в данный момент мы похожи с ним на парочку: Александр Михайлович как будто вот-вот сделает объявление о нашей помолвке. Это показалось настолько абсурдным, что я фыркнула и встряхнула головой. Штайнер заметил, услышал и в это же мгновенье как будто очнулся. Он оставил в покое мою конечность, сделал шаг вперед и начал свой спич. Представил всех нас, рассказал о будущем отеле, о перспективах сотрудничества и бла-бла-бла.

Я усердно переводила — это было несложно, так как все это произносила на китайском уже не раз. Мозг работал в штатном режиме, и я позволила себе рассмотреть окружающих. Костюмы-платья-костюмы… Я не знала этих людей, они мне были неинтересны, а вот отдельно стоящую фигуру Дани мой глаз засек мгновенно. Белая футболка, светлые волосы: мужчина выглядел ангелом во плоти на фоне красноватых лучей закатного солнца. Мне показалось, что Ларин чувствует себя одиноким, и я еле дождалась окончания официоза, чтобы попытаться сбежать спасать его от тоски.

Однако и после того как Штайнер, Коростылева и Ли Вэй толкнули свои речи, меня не отпустили, так как последовала серия вопросов “из зала”. Только спустя два часа, когда ночь вошла в полные права, на палубе стемнело, а гости выпили достаточно, чтобы без моей помощи говорить на любом языке, включая мертвые, я смогла убежать. Элегантно улизнув от мэра и Ли Вэя, я рванула в сторону жилой части яхты,

напевая авторскую версию песенки Колобка, и отвлекая себя тем самым от мучающих физиологических потребностей. Работа переводчика, я вам скажу, не так легка, как может показаться на первый взгляд.

От Ли Веюшки ушла – очень хорошо. И от Санечки ушла – очень хорошо. Где же, где же туалет — покажись скорей. Если не найду тебя… плохо будет мне.

Знаю, что не сильна в поэзии, но творческий порыв было не остановить. В этот момент мне было даже не до Ларина: стань он на колени передо мной с предложением руки и сердца, я бы перепрыгнула и понеслась дальше навстречу своему настоящему счастью – туалету типа "гальюн". Сейчас мы с ним были "истинной парой" — ничто не могло встать на пути нашего союза.

Обрела я свое освобождение после того, как спустилась к каютам и нашла один из многочисленных санузлов. Поблагодарив предков за то, что дали мне силы выдержать это испытание, я уже более спокойно и вальяжно направилась обратно, сунув свой любопытный нос в несколько помещений, которые не были закрыты на ключ.

Роскошь ощущалась в каждом предмете интерьера — я залипала взглядом на дубовых панелях, кожаных диванах. На одной из стен я рассмотрела картину известного художника. Если это подлинник, то… Как это может быть подлинник? Это же очень дорого!

Фыркнув, я направилась к лестнице, которая вела на палу-

бу, но, услышав голоса, резко свернула в сторону, забежав в помещение, показавшееся мне кают-компанией: обеденный стол, мягкие кресла, плазма на стене и другая техника — интерьер говорил о том, что это была судовая гостиная.

Почему я решила спрятаться? На этот вопрос я не могла найти ответ. Что-то — то ли инстинкт, то ли глупость — заставило меня нырнуть за спинку большого дивана и замереть, скрючившись. А в это время в каюту вошли двое.

— Вероника! Мне казалось, что мы давно уже обо всем поговорили, — раздался голос Данила, а я прикусила кулак, чтобы не издавать лишних звуков от волнения или даже ревности — это чувство прошило насквозь, как только Даня назвал имя своего спутника, оказавшегося спутницей.

— Данечка, милый! Я так скучала! Когда ты уехал в этот холодный Питер, я места себе не находила…

— Ника, ты замужем! У тебя двое детей! — настойчиво произнес Ларин, и вместе с тем я услышала звуки возни. Осознав, что не прощу себе, если не посмотрю, я очень осторожно выглянула из-за дивана. Парочка стояла возле стены недалеко от двери. Высокая брюнетка в блестящем малиновом платье прижимала блондина к стене, оплетая руками его шею, а мужчина пытался разжать ее цепкие пальцы и выбраться из объятий.

— Ты меня больше не хочешь? Нам же было очень хорошо! — с театральным придыханием произнесла женщина.

— Помнишь, что я тебе говорил: держись подальше от ме-

ня и дурман пройдет. Не думаю, что ты так уж страдала, пока меня не было… — задушено говорил Данил, а брюнетка с маниакальным упорством продолжала за него цепляться.

Отчаянная! Предки, дайте мне сил не превратиться вот в это! А что там он про дурман сказал?

— Ну допустим, я действительно почти забыла тебя. Но сегодня, как только увидела, сразу поняла, что любовь никуда не делась.

— Тише, тише, Ника, — торопливо вещал Ларин, отрывая пальцы женщины уже с пояса своих брюк, которые она ловко пыталась расстегнуть. — Я же специально не подходил близко, чтобы это вот все не началось. Говорил мне брат, что это дурная затея, и мне не стоило сюда являться! Вероника, прекрати! — в голос рявкнул мужчина.

— Даня-я! — хныкала женщина, — ну Да-анечка-а! Давай разочек!

— Только хуже будет! — раздраженно прокомментировал Данил, а потом вдруг прекратил щадить свою поклонницу и применил настоящую силу. Он скрутил женщину в бараний рог и громко, глядя ей в глаза, произнес:

— Ника! Мне нравится другая женщина! Не подходи ко мне, или я расскажу твоему мужу. Кто будет оплачивать все твои прихоти, если он от тебя уйдет, а? У меня денег нет!

Вместо ответа я услышала тишину и тяжкий вздох, а потом еще одну ремарку Дани:

— Знаю, трудно. Это временно. Иди на воздух, там тебе

будет легче. Иди, Ник. И прости!

— Зачем ты так? — обиженно прошептала женщина. Она помедлила еще пару секунд, а потом с видом мученицы, восходящей на эшафот, вышла из каюты. Шлейф ее вишневого платья змеей мелькнул в проеме, а затем послышались шаги на лестнице. Мужчина постоял с минуту, а потом подошел к двери с намерением следом покинуть кают-компанию, но я не позволила.

Официально заявляю, что все случившееся после, не было мною запланировано. Да что там, мои мозги даже не успели отфиксировать намерение — тело и язык сработали сами по себе. А произошло вот что: испугавшись, что Ларин уйдет и мы не поговорим, я поднялась и окликнула его. Мужчина вздрогнул и обернулся, а я задала свой вопрос:

— Есть шанс, что женщина, которая тебе нравится, это я?

В тот момент мне казалось, что я смелая, что я взяла в руки свою судьбу и не жду подачек от мужского пола. Я сделала несколько шагов по направлению к блондину и добавила для непонятливых:

— Ты мне нравишься, Даня!

Мужчина сделал шаг назад и посмотрел на меня с опаской. Он зачем-то обернулся на дверь, затем снова глянул на меня. Поиграв желваками на скулах, Ларин прищурился. Я почувствовала удушающий жар, а потом услышала его слова.

— А ты мне — нет! Не смотри на меня, Рыжик, не подходи ко мне, поняла?

Я вдруг осознала, как глупо выгляжу и замерла, заливаясь краской, а Данил обжег взглядом, развернулся к двери и был таков. Я вздрогнула от громкого хлопка двери — мужчина вышел на палубу.

Что со мной только что случилось? Какой позор! Вот я идиотка!

Эмоции нахлынули лавиной: стыд, ненависть, обида, жалость к себе. Я поняла, что задыхаюсь, и поспешила на палубу. Людей видеть не хотелось, поэтому я повернула в сторону кормы, попытавшись скрыться. Совсем спрятаться не получилось: гости разбрелись по всему судну, но найти более-менее уединенное место шанс все же был.

Мимо меня пробегал официант с подносом. Я тормознула его и взяла себе бокал шампанского. Сделав знак парню стоять на месте, я выпила залпом первый бокал, затем повторила манипуляцию со вторым и, только взяв в руку третий бокал, отпустила официанта, а сама пошла дальше, чувствуя, как алкоголь приятно ударил в голову.

Следующие полчаса или около этого я провела, в полном отупении глядя на воду.

“Не любиш-шь? Полюбиш-ш-шь!” — шептали мне волны. “Духи требуют, ты должна остаться!”— напутствие бабушки звенело в воздухе. “А ты мне — нет!” — ковыряли сердце жесткие слова Дани. “Сердце? Или все же самолюбие?” — нашептывал здравый смысл. “Нужно разобраться!” — подсказывало шампанское.

Третий бокал улетел в кровь, будоража, а я пошла к людям. Нетвердой походкой, но в этот раз с четким планом. Увидев высокую и мощную фигуру в светлом костюме, я подошла к мужчине и похлопала его по плечу из-за спины.

— А вас, Штайнер, я попрошу… объяснить. Вы какого… назвали свою яхту “рыжей русалкой”, а?

Глава 13. О семейных тайнах и скрытых

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.